

A woman with long blonde hair and blue eyes, wearing a light-colored, sleeveless, form-fitting dress with a draped neckline, stands in the center of a highly ornate, gold-decorated room. The room features intricate carvings, a large arched window with a decorative frame, and a ceiling with elaborate moldings. The lighting is warm and golden, creating a luxurious atmosphere.

Юлия
Чернявская

Да здравствует
королева

16+

Юлия Чернявская

Да здравствует королева!

«Автор»

2014

Чернявская Ю. В.

Да здравствует королева! / Ю. В. Чернявская — «Автор», 2014

Королевство на грани революции, казна пуста, дела расстроены, долги невероятны, армия на стороне дальнего племянника короля. Анне-Виктории всего восемнадцать лет, когда пришлось надеть корону, унаследовав престол после смерти отца. Ей придется иметь дело с кузеном, стремящимся сесть на трон, многочисленными внутренними проблемами, да еще и соседи активизировались. В качестве альтернативы можно подписать отречение и уйти в монастырь, но не станет ли от этого еще хуже? Остается запереть сердце на замок и приступить к работе. Но что делать, если она все еще тонет в глазах кузена? В оформлении обложки использованы иллюстрации с сайта Pixabay.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

За три года до развития событий.

Парадная зала дворца была ярко освещена. Свечи в огромных подсвечниках расставлены перед зеркалами, чтобы давать как можно больше света. Люстры подняты к потолку, и лакеи со специальных балкончиков следят за огнем. Окна распахнуты, впуская свежий воздух и ароматы роз из сада, не давая жару испортить людям вечер.

– Ее высочество принцесса Шарлота Эмилия Анна-Виктория Косталина!

Жезл распорядителя бала с громким стуком опустился на паркет красного дерева. Позолоченные двери распахнулись, являя всем собравшимся в зале совсем еще юную девушку. Придворные дамы в летах поморщились. Юные девушки удивленно переглянулись, спрятав за дорогими веерами ехидные усмешки. Мужчины всех возрастов быстро смерили высокопоставленную дебютантку взглядами и уставились кто в пол, кто в стену, лишь бы не выказать своего истинного отношения.

Лишь одна пара глаз продолжала внимательно изучать юную принцессу. Мужчина внимательно оглядел немного нескладную, плоскую фигурку, облаченную в простое платье белого шелка, без привычного обилия кружев, шитья и драгоценностей. Синие глаза скользнули по убранным в высокую прическу волосам с простенькой серебряной диадемой, хорошенькому личику, подметив тонкие цепочки сережек, ниже, к шее, которую украшал кулон с жемчужиной, еще ниже, после чего позволил себе отвернуться. Слишком юна, чтобы по достоинству оценить фигуру, слишком скромна, словно воспитывалась не при дворе, а в закрытом монастырском пансионе. Все слишком.

Филипп Ланс Йоран Эстеритен прикрыл глаза. Можно было бы и не приезжать на этот бал, как и последние три года. Вот только повышенное внимание к его персоне в последние месяцы да слухи о болезни короля, которому он приходился каким-то там внучатым племянником, заставили молодого графа покинуть свой замок. Обсуждавшийся в последнее время вопрос о престолонаследии не мог оставить его в стороне.

Установившаяся веками традиция наследования трона по мужской линии только подливала масла в огонь, поскольку сыновей у короля не было. Первая жена его умерла, едва произвела на свет мальчика. Но младенец не прожил и дня, отправившись вслед за матерью. От второй жены у короля было две дочери. Старшая также скончалась в младенчестве. Младшую в этот день официально представляли свету. Больше детей вторая королева иметь не могла. Прожила она также недолго, скончавшись, когда ее младшей дочери не было и пяти лет. Больше его величество женат не был, и ни одна из многочисленных фавориток так же не смогла родить королю наследника.

В тот момент, когда граф вновь посмотрел на принцессу, девушка раскрыла веер, столь же простой, как и платье, и вошла. Шорох платьев пронесся по залу. Те, кто до того момента оставался сидеть, поднялись и склонились в поклоне. Филипп нарочито медленно сделал шаг от окна, где до этого находился, и так же медленно поклонился. Увы, но первый танец с принцессой должен был танцевать именно он. Жаль. Хорошенькая блондинка, с которой он общался до того, как объявили о появлении Анны-Виктории, скорее всего, успела обещать все свои танцы другим кавалерам. Не вовремя появилась эта девчонка. Он как раз собирался пригласить ту девушку на танец. В глазах мелькнула тень злости, но больше ничем он не выдал свои чувства.

Король Шарль-Антуан поднялся с кресла, стоявшего на небольшом возвышении, и сделал несколько шагов навстречу дочери. Девушка остановилась на расстоянии пары метров от него и присела в глубоком реверансе. От Филиппа не укрылась легкость и грациозность ее движений. Оставалось надеяться, что танцует она столь же легко.

– Приветствую вас, ваше величество, – голос у девушки приятный, но тихий.

– И тебе доброго вечера, дочь моя, – ответил король, подходя и протягивая ей руку.

Принцесса поднялась. Его величество подвел дочь к скамеечке возле возвышения, после чего объявил:

– Музыку!

Тут же с балкона полились звуки скрипок, к которым вскоре присоединись остальные инструменты. Филипп подошел к девушке.

– Разрешите пригласить вас?

Принцесса подняла голову и кивнула. Тонкие пальчики легли в крепкую мужскую ладонь, способную легко переломать их, сжав чуть сильнее. Сам король уже танцевал с нынешней фавориткой. Та что-то тихо шептала ему на ухо и посмеивалась. Филипп усмехнулся. Скорее всего, просила уплатить очередной долг. Судя по довольному виду, успешно. Все как всегда. Чуть поморщившись, он повел на середину зала принцессу. Если бы не объявление имени наследника, ноги бы его не было во дворце. Уж лучше охотится в своих землях, или проводить ученья вверенного ему корпуса, чем придворная жизнь. Единственная разница, девушки во дворце куда лучше крестьянок и торговок. Их можно сравнить разве что с обитательницами борделей. Только последние не ждут от тебя дорогих подарков, достаточно пары монет сверх тарифа.

Принцесса равнодушно скользила взглядом по танцующим парам. Она не сомневалась, что ее скромный наряд вызывал у присутствующих лишь неприязнь. Но ей казалось кощунством тратить на платье, которое больше никуда не оденешь, сумму равную годовому содержанию приюта для бедных. Впрочем, даже приюты давно не видели положенных им средств. В казне их попросту не было. Уже несколько лет страна жила в долг. И сумма его росла с каждым годом все больше и больше.

Музыка слегка изменила ритм, ускоряясь. Если бы не уверенные движения партнера, девушка бы сбилась с шага. Но танцевать с Филиппом было одно удовольствие. Принцесса боялась смотреть на него. Хватило лишь одного взгляда, чтобы утонуть в синих глазах. От близости мужчины сердце билось сильнее, а кровь прилиwała к щекам. Оставалось надеяться, что все спишут это на ускоряющийся темп танца. Приходилось постоянно напоминать себе, что этот человек – ее соперник в борьбе за трон. Хотя, у него куда больше шансов, чем у юной дурочки, волею судьбы оказавшейся дочерью короля. Во всяком случае, именно так считают все собравшиеся в зале. Что решил отец, Эмилия даже не пыталась предугадать. Его решение могло измениться в любую секунду под влиянием такой мелочи, о которой никто не будет подозревать. Другое дело, что потом уже никто не сможет изменить этого решения. Король слишком упрям, чтобы признавать свои ошибки и исправлять их. Что уж говорить, о столь судьбоносном решении.

Оставалось наслаждаться танцем и делать вид, что ее ничуть не волнует грядущее объявление, ради которого в столицу прибыли даже те, кого обычно было сложно заманить сюда.

Но вот музыка смолкла.

– Благодарю вас за танец, ваше высочество.

Граф подвел принцессу к ее отцу и поклонился. Девушка присела в намеке на реверанс.

– Ваше величество, – последовал куда более низкий, но при этом исполненный чувства собственной значимости поклон.

– Граф, – король чуть склонил голову, – надеюсь, сегодняшний вечер доставит вам удовольствие. Вы столь редкий гость в столице.

– Благодарю за приглашение ваше величество, – вновь поклонился Филипп.

– Развлекайтесь, граф, – жестом король показал, что тот может удалиться, после чего развернулся к фаворитке – женщине примерно тридцати – тридцати пяти лет, разодетой в платье, расшитое золотом и жемчугами и с бриллиантовой диадемой в волосах. Принцесса оказалась предоставлена сама себе.

Больше всего Эмилии хотелось покинуть залу после первого танца. Возможно, в любой другой день она поступила бы именно так. Тем более что в покоях ее ждали незаконченные куколки, которых она планировала отнести в сиротский приют. Но этот вечер должен был стать переломным в судьбе государства. Отец планировал объявить, кто станет наследником престола. Значит, надо было оставаться, вежливо улыбаться окружающим и молить всех существ и древних богов, чтобы бал скорее закончился. Еще бы перестать краем глаза следить за графом. Вскоре тот, словно услышав мысли девушки, вышел на балкон. Музыканты вновь тронули инструменты, и почти сразу рядом нарисовался очередной кавалер. Глубокий поклон отцу, менее почтительный – принцессе. И вот она вновь кружится среди собравшихся ради бесплатного развлечения и королевских милостей.

Филипп покинул балльную залу, где за считанные минуты стало душно от большого скопления народу и огня сотен свечей. Там с бокалом вина его уже ждал давний друг и соратник, виконт Андрес Томас Варестон. Отсалютовав другу бокалом, он сделал глоток.

– Тоскливый вечер, не находишь, – виконт тяготился нахождением при дворе ничуть не меньше графа.

– Если бы не объявление наследника, ноги бы моей тут не было, – Филипп залпом осушил свой бокал и облокотился о перила.

– Что скажешь о принцессе, – подмигнул друг.

– Ребенок. Наивный, витающий в облаках идеализма ребенок. Кажется, это заметили все, а не только я один. Когда повзрослеет, будет хорошенькой, возможно, разобьет несколько сердец, если хватит на это ума.

– Тем больше шансов у тебя надеть корону после старика.

– Как бы этот старик нас всех не пережил, – покосившись на двери, произнес граф. – Такие оставляют трон как минимум внукам.

– Как максимум, эти самые внуки тихонько травят дедушек, дабы взять власть, пока их собственные дети не успели вырасти и начать примерять корону, – хохотнул виконт.

– Тише ты, – вновь огляделся Филипп. – За такие слова не долго вместо наследника стать заговорщиком.

Да ладно тебе, – усмехнулся Варестон. – Такие, как наш король, дальше своих фавориток ничего не видят. А те умело следят, чтобы и не увидели.

Тем не менее, мужчины решили сменить тему разговора на куда более приемлемую для военных. Если бы кто-то решил подслушать их, то разговоры о дуэлях, лошадях, женщинах и маневрах не вызвали подозрений. Что взять с солдафонов до мозга костей, каковым давно уже считали графа Эстеритен и его друга и правую руку во всех делах. Лакей бесшумно шагнул к мужчинам, заменил пустые бокалы наполненными и так же бесшумно удалился.

Первый тур бала заканчивался. Его величество соизволил покинуть свое место на пару танцев. На один он пригласил жену казначея, на другой малоизвестную но миловидную баронессу сорока лет. С последней он о чем-то тихо шептался, загадочно улыбаясь, и многие сочли, что эта женщина станет очередной фавориткой. Пусть все предшественницы годились ей в дочери, все в баронессе говорило, что она с легкостью даст им фору.

Принцесса почти все время провела на паркете. Вопреки мнению фрейлин, большое количество мужчин выразило готовность составить ей пару в танце. Хотели они таким образом выслужиться перед королем или его фавориткой, осознававшим, что в иных условиях девушка бы так и провела остаток вечера в ожидании приглашения, или же заранее искали симпатии возможной королевы, так и осталось тайной. Сама Эмилия механически выполняла движения, больше не получая от танцев удовольствия.

Но вот музыка смолкла. Однако, собравшиеся не торопились разбредаться по залам, отдыхая от танцев и предаваясь сплетнями за изысканным вином и закусками.

Его величество король Шарль-Антуан Лоранс Йорген величественно поднялся с кресла, символизировавшего трон. В зале повисла тишина. Люди переводили взгляды с хрупкой девушки, едва достигшей пятнадцатилетия, на графа, приходившегося дальним родственником нынешнему королю. Юная принцесса осталась сидеть на своей скамеечке возле трона, Филипп замер возле дверей на балкон, где они до этого беседовали с другом. Юная девушка, почти девочка, и военный, участник нескольких походов, защитник границы. Какой же выбор сделает его величество король?

– Итак, – громким, хорошо поставленным голосом, что было слышно даже в соседних залах, произнес король, – объявляю своим наследником, – повисла пауза, во время которой он внимательно посмотрел на графа и улыбнулся уголком рта, – мою дочь Шарлоту Эмилию.

Девушка подскочила на своей скамеечке, не понимаясь посмотрела сначала на отца, потом на людей, успела заметить, как злость исказила лицо графа, после чего склонилась в глубоком реверансе.

– Как прикажет ваше величество, – громко, стараясь, чтобы голос не дрожал и не выдал охватившее ее волнение, произнесла она, стискивая веер.

Когда принцесса вновь заняла свое место, а его величество вместе с фавориткой покинули зал, люди начали тихо переговариваться, обсуждая услышанное. Кто-то подходил с поздравлениями к девушке, кто-то тихо делал ставки, на сколько она переживет своего отца.

– Поздравляю вас, ваше высочество, – возник перед ней граф. В голосе его больше не были ни грамма почтительности.

– Благодарю, – девушка отважилась поднять голову, чтобы встретится с полным ненависти взглядом. Первым порывом было объяснить, что она тут не причем, но принцесса поняла, мужчине не нужны объяснения.

– Не стоит, – в голосе его слышалась угроза. – Сегодня это воля короля, но кто знает, что будет после его смерти. Жизнь странная штука, порой весьма быстротечная.

Филипп развернулся и, чеканя шаг, покинул залу, оставив девушку решать, что это было: настоящая угроза или грубая шутка. Придворные смотрели вслед мужчине, понимая, что он не оставит все так, как есть, и, так или иначе, но возьмет власть в свои руки. Уже сейчас его готовы поддержать военные: гвардия и войска на границе королевства. Кто знает, какие силы будут за графом Эстеритен к тому дню, когда король покинет этот мир? Кто-то сочувственно покосился на принцессу. Девушке лучше уже сейчас изъявить желание уйти в монастырь послушницей. В борьбе за власть с Филиппом у нее нет никаких шансов. Принцесса получила образование, делающее ее достойной женой, но не правительницей.

Шарль-Антуан Лоранс Йорген с неприметного балкончика посмотрел вслед покидавшему залу родственнику. Мальчишка злился, что королевство уплыло из рук. Где-то глубоко внутри король понимал, какую ошибку он только что совершил, столкнув между собой дочь и дальнего родственника. Понимал и то что еще не поздно оставить дочери не те руины, которыми он правил сейчас, но возрождающуюся страну. Но для этого требовалось отказаться от всего, к чему он привык, распустить двор, урезать расходы, отказывая себе во всем, как это делает Эмилия, заняться делами королевства. А долго ли ему осталось? Лекарь сообщил, что он доживает последние месяцы. Не долго ему осталось, а раз так, зачем предаваться аскетизму. А после его смерти дети будут разбираться с тем, что останется после него. Если они не дураки, договорятся. Выбора у них не будет. А если нет, то все на их совести. Филипп слишком военный. Он не сможет сидеть часами над бумагами. Эми мягка, ей не хватит жесткости для управления страной. Хотя, если захочет – научится и этому. Девочка она умная, и умеет выбирать помощников. Чего только стоит этот ее горбун из трущоб.

А пока пора открывать вторую часть бала.

Глава 1

– Король умер! – катилось по коридорам дворца все ближе и громче. – Да здравствует королева!

Шарль-Антуан Лоранс Йорген скоропостижно скончался ночью, напугав очередную молодую фаворитку. Накануне король вернулся с успешной охоты, плотно поужинал, запил все бутылочкой крепленого вина, после чего удалился с девушкой в свои покои, предаваться дальнейшим утехам. А посреди ночи королевское крыло дворца было поднято на ноги громким криком. Доставленный лекарь объявил, что смерть его величества наступила мгновенно от естественных причин, после чего занялся перепуганной до полусмерти девушкой. Вопросов лекарю не задавали, и без того было ясно, что могло послужить причинами смерти. Больше удивляло, что его величество прожил так долго при его пристрастиях.

Эмилия беспокойно ходила по своей комнате. Разбуженная криками и суматохой, девушка понимала, что происходит что-то странное, но никто не торопился сообщать ей, что же нарушило покой дворца. Она успела облачиться в домашнее платье, и ходила по комнате из угла в угол.

Но вот шум начал приближаться к комнате принцессы. С каждым мигом все четче были слышны возгласы придворных, не сомневавшихся, что юная наследница давно на ногах, в ожидании вестей.

– Да здравствует королева! – раздавалось уже в коридоре, ведущем к покоям Эмилии.

Девушка подошла к окну и выглянула наружу. Темноту разгоняли лишь редкие огни факелов, зажигаемые на ночь стражей. Снаружи все было тихо, словно ничего не происходило во дворце. Вздохнув, принцесса нервно сжала пальцы одной руки другой. Нет, уже не принцесса, королева, поправила она себя.

– Да здравствует королева! – раздалось у самой двери.

Стоявшая снаружи стража распахнула дверь. Придворные дамы вошли в покои и склонились в низком поклоне.

– Король умер, ваше величество, – тихо произнесла самая старшая их них, бывшая фаворитка.

– Отец... – Эмилия побледнела, но заставила взять себя в руки. – Мир душе его.

Женщины склонились еще ниже, хотя, казалось это невозможно.

– Каковы будут распоряжения вашего величества?

– Выставить караул у покоев моего отца, – тихо произнесла девушка, – и позвать ко мне начальника стражи. Все остальное согласно обычаям. А сейчас можете идти.

– Да, ваше величество, – женщины выплыли из комнаты.

Эмилия вновь подошла к окну. Темноту начали прорезать огни переносных фонарей – весть о смерти правителя распространялась по службам. А с первыми лучами солнца об этом узнают и в городе.

– Ваше высочество, простите, величество, – поклонился начальник стражи.

– Гильермо, – повернулась к мужчине девушка. На мгновение ей стало неудобно отдавать распоряжения человеку старше ее больше чем вдвое. До этого девушка обращалась к прислуге исключительно с просьбами. – Выставьте охрану возле сокровищницы, библиотеки и кабинета его величества. Никто, кроме меня и моего секретаря, не имеет права входить в эти помещения вплоть до особого распоряжения без письменного приказа, заверенного моей подписью и печатью, – мужчина склонил голову, соглашаясь с данным указанием. – И отправьте гонца на границу к графу Эстеритен.

– Ваше высочество, вы считаете уместным оповещать Филиппа, прошу прощения, графа? – только произнеся, мужчина понял, что в очередной раз допустил ошибку, обращаясь к королеве, но девушка только печально улыбнулась.

– Да, – голос звучал тихо, но твердо. – Он должен знать об этом. И, – она на мгновение замялась, словно сомневаясь в необходимости данного приказа, – отправьте в его расположение доверенных людей. Если армия двинется к столице, мы должны знать об этом заранее.

– Как прикажете, – Гильермо вновь склонился в поклоне, пряча улыбку. Принцесса оказалась не так проста, как казалась. И, судя по отданным приказам, успела продумать последовательность действий.

– Эмилия, – в комнату вплыла женщина преклонных лет, – девочка моя, да как же так. Ох, горе-то какое... Да как же мы теперь...

– Няня, пожалуйста, подожди причитать, – попросила ее девушка чуть резче, чем позволяла себе до этого. – Не до того сейчас.

Женщина осеклась, только сейчас заметив главу стражи. Мужчина с трудом сдерживал улыбку. Слышала бы нянька распоряжения своей подопечной, никогда бы не поверила. Хотя, кто знает, какие распоряжения придется выполнять ей самой. Эмилия найдет работу всем, даром что десять минут, как королева.

– Что-то еще, ваше величество?

– Пока все, можете идти, Гильермо. И запомните, в указанные помещения не пускать никого под страхом смерти, хоть все демоны преисподней попытаются прорваться туда. Если кто-то оставил где-то свое имущество, пусть предоставляет доказательства принадлежности в письменной форме, с перечнем всех свидетелей.

– Будет исполнено, ваше величество, – мужчина повернулся на каблуках и покинул покои, ставшие королевскими.

– Нянюшка, – не давая женщине начать вновь причитать, заговорила девушка, – утром пригласи моего секретаря, а после вызови во дворец антиквара, чьими услугами я пользуюсь. У меня будет для них несколько поручений.

– Да, деточка, как скажешь. Но уместно ли? – засомневалась женщина.

– Надо, нянюшка, – вздохнув, Эмилия опустила в кресло. – Если сейчас упустим время, то всем нам будет поздно.

– О чем ты, милая, – удивилась женщина.

– А то ты не понимаешь, – подняла голову юная королева. – Ты же за стенами дворца часто бываешь, сама не раз рассказывала, что люди говорят. Торговля почти вся в упадке, налоги не платятся, уходя в карманы местным властям. Люди устали от нищеты, от того, что король занят только своими удовольствиями, забыв о государственных делах. В любой момент может вспыхнуть мятеж. Я вызвала в столицу Филиппа. С одной стороны, он обязан присутствовать на похоронах короля, с другой – эта мера может удержать народ от восстания. Всем прекрасно известно, что графа поддерживает армия. Таким образом, мы выиграем немного времени. А это все, что мне надо.

– Ты что-то придумала? – не сильно удивилась нянька.

– Уже давно, – не стала отрицать девушка. – Главное, чтобы мне хватило времени. Я думала, что можно сделать с того дня, как отец объявил меня наследницей. У меня было три года, чтобы наблюдать, учиться, составлять планы. Знать бы только, сколько времени у меня есть на их осуществление, – Эмилия встала и подошла к окну как раз, чтобы увидеть, как двор перед дворцом покинул гонец.

– И все равно боюсь я, как бы граф против тебя интриговать не начал.

– Он обязательно начнет, – с печальной улыбкой произнесла девушка, но нянька ее не увидела.

– Ох, и глупая ты, – вздохнула женщина. – Ты же для Филиппа соперница, препятствие на пути к трону. А ты все вздыхаешь по нему.

– Нянюшка, – возмутилась новоиспеченная королева, – я не отрицаю, что не осталась тогда равнодушной к графу Эстеритен. И не буду отрицать, что он весьма привлекательный мужчина. Но это не значит, что я все забуду, едва увижу его. Сейчас он нужен мне, чтобы оттянуть восстание в столице. Ведь одно дело – слабая королева, чью охрану составляет дворцовая стража, и совсем другое дело – популярный в армии человек, герой приграничных сражений. Это заставит призадуматься самых отчаянных. Дальше, смею надеяться, восстания не будет вовсе. А с графом, если понадобится, я договорюсь. Думаю, у меня будет что ему предложить.

Не спокойны южные границы Дельменгорста. Раньше на юго-востоке осуществляли набеги на побережье пираты с островов. Но обрел мощь флот Астизиры, ушли пираты, опустели прибрежные гарнизоны. Разрушаться начали стены, сгнили причалы. Одна верфь осталась, да и на той ничего крупнее рыбацких лодок не строилось. С уходом войск стал приходить в упадок край, который должен был стать процветающим. Не оценили правители выгод морской торговли. И не только торговли. Не поддерживали тех, кто жил морским промыслом, отдавая предпочтение заморской рыбе да деликатесам.

На юго-западе и вовсе соседи не желают признавать границ, норовя перенести их на сотню миль севернее. Из Вастилианы идут набеги кочевников на людей, нашедших прибежище в этом не самом гостеприимном краю. Лишь во время весенней да осенней распутицы удавалось немного отдохнуть и залечить раны. Но как только дороги становились проходимыми, вновь возвращалась прежняя опасность, и дозорные следили, в какой стороне вспыхнет сигнальный костер, означающий приближающуюся опасность.

И пусть нет на этих землях щедрых пашен или залежей полезных ископаемых, места эти богаты солью, что на востоке ценится на вес золота. Но из-за непрекращающихся нападений солеварни пришли в упадок и с трудом могли обеспечивать сам Дельменгорст. Налоги же с каждым годом росли так, что люди могли лишь сводить концы с концами, но оставались в приграничных землях, поскольку средств, чтобы собраться и уйти на другое место, не было, да и там жилье было не сладко.

Филипп вернулся из очередного объезда. Его корпус находился на бывшем торговом тракте из Дельменгорста в Вастилиану, ныне претендовавшую на самые лакомые земли страны. Ведь если решить проблему с соседями, снизить налоги, люди и сами отстроят и солеварни, и поселения, и торговля оживится, принося доходы как населению, так и казне. Перед глазами все еще стояла разоренная деревня, разрушенные промыслы, уставшие люди, пытающиеся хоть как-то свести концы с концами, а на предложение уехать на север лишь печально усмехавшиеся. Словно не знает мастер командующий, что на севере жизнь тоже не сахар, а королевские чиновники грабят не хуже вастилианцев. Графу Эстеритен ничего не оставалось кроме как сохранять стискивать зубы и сжимать кулаки.

Сам он не оставил надежд сесть на трон. Разумеется, придется немного подождать, чтобы эта Косталина окончательно завела страну в тупик, закончив то, что не успеет ее отец. А потом он заставит ее отречься от трона. Будущее девушки его особо не волновало. Или выдаст за одного из соседей послабее, чтобы с одной стороны обеспечить его поддержку, а с другой тот не рискнул восстанавливать королеву на троне, или отправит в один из многочисленных монастырей, подкрепив желание навеки похоронить девушку в каменных стенах солидным вознаграждением обители.

Не успел граф передать поводья коня одному из слуг, как к нему подбежал караульный гарнизона.

– Ваше превосходительство, гонец из столицы, – волнуясь, произнес он.

– Что там еще? – Филиппу не терпелось сбросить походный мундир, ополоснуться от пыли и устроится в своей комнате с бутылкой легкого вина и закусками в ожидании ужина.

– Не могу знать, ваше превосходительство, – отчеканил караульный. – Говорит, что может вручить пакет только вам лично в руки.

– Где он? – мужчина с трудом сдержал эмоции. Неужели король изменил свое решение, и теперь он официально провозглашен наследником? Или в столице все-таки вспыхнуло восстание, и монарх просит помощи у военных?

– Ждет вашу светлость в холле, – отчеканил караульный.

– Свободен, – тот развернулся и, чеканя шаг, вернулся к товарищу на наблюдательный пост.

Филипп быстро, стараясь не сорваться на бег, поспешил к зданию, где располагался командный пункт и комнаты обер-офицерства.

Едва командующий переступил порог здания, посыльный поднялся со своего места и поспешил навстречу.

– Пакет из столицы, мастер командир, – с поклоном он вручил графу плотный конверт, скрепленный личной печатью начальника дворцовой стражи.

Филипп, нахмурившись, сорвал печать и вытащил из конверта листок. Всего несколько строк четким почерк Гильермо фон Розенстоуна. По просьбе Шарлоты Эмилии Анны-Виктории Косталины графу Филиппу Лансу Йорану Эстеритен надлежало как можно скорее прибыть в столицу для участия в мероприятиях по похоронам его почившего величества и, если граф сообразовит остаться, в мероприятиях по возведению на трон ее величества Анны-Виктории первой Косталины. И приписка, что данное письмо отправлено по личной просьбе ее ныне королевского величества Анны-Виктории Косталины.

Граф усмехнулся. В этом весь Гильермо. Вроде он и не называет принцессу Эмилию королевой, но уже дает понять, что именно она займет трон в ближайшем будущем, и, более того, сухим посланием он указал, что всецело на стороне будущей королевы Анны-Виктории. Хотя, какой будущей? В Дельменгорсте коронация – лишь дань уважения традициям. Со смертью прежнего монарха его наследник автоматически становится правителем. С трудом сдержав эмоции, Филипп распорядился, чтобы посыльного накормили и определили на отдых. Эмоции будут потом, когда он останется один. Пусть не на долго, всего лишь на то время, что потребуется на сборы. Потом скромная трапеза и в путь. Судя по дате в письме, гонец провел в дороге полтора дня. Ему тоже стоит поторопиться.

Оказавшись в своей комнате, Филипп бросил письмо, которое перед тем смял в кулаке, на сундук. Анна-Виктория? Пффф. Да какая из этой девчонки королева? Эми годится только на то, чтобы целыми днями вышивать платочки, которые потом можно будет продать на благотворительном аукционе, да посещать богадельни, сиротские дома и больницы для бедных по большим праздникам. Ей бы себя содержать научиться, что уж говорить об управлении целой страной. Для этого надо учиться чуть ли не с пеленок. Именно этим всю свою сознательную и занимался граф, готовясь однажды надеть корону Дельменгорста. Сначала обучение обязательным наукам, потом изучение законов и основ экономики, а в последние годы тщательное освоение военного дела, когда вникаешь в те вещи, которым не обучают в военном корпусе. В то время как его почившее величество хорошо, если озаботился дать своей дочери образование, необходимое для девиц из знатных семей. Впрочем, танцевать девушка умела, это он запомнил.

Сборы были не долгими. Лишь самое основное, что может понадобится в дороге. Если понадобится. Филипп рассчитывал добраться до столицы за сутки. В столичном доме найдется все необходимое. А если чего-то не окажется, дворецкий или отправит людей в поместье, или распорядится приобрести как можно быстрее. На миг возникло искушение отдать команду части корпуса следовать за ним, но он отогнал эту мысль. Успеется. Достаточно отдать

соответствующие распоряжения Андресу. И тогда достаточно будет одного слова с почтовым голубем, чтобы самое позднее через неделю две трети корпуса оказались у стен Атрии.

– Далеко собрался? – Андрес возник на пороге, словно прочитав его мысли.

– В столицу, – Филипп кивнул на сундук, на котором лежало письмо. Виконту не требовалось другого разрешения.

– Даже так, – пробежав взглядом по строкам, задумчиво произнес он. – И ты решил отправиться в столицу один? А если это ловушка?

– Сомневаюсь, – граф задумчиво посмотрел в окно.

– И все же, – продолжал настаивать его друг.

– Я еду один, – повторил Филипп. – Но, если через три дня от меня не будет никаких вестей, действуй на свое усмотрение. Только не трогай королеву, – это слово Филипп произнес с такой интонацией, что нельзя было сказать, прозвучала насмешка или откровенное оскорбление.

– Не дурак, сам понимаю, что тогда от королевства останутся воспоминания в трудах историков, – усмехнулся виконт.

– Но это мелочи, – Филипп затянул горловину мешка и взвесил его на руке. – Если я пришло голубя со словом 'поход', то собирай войска и выдвигайся на столицу.

– Насколько я могу оголить границу, – Андрес начал прикидывать, что можно сделать в этом случае. Выходило не меньше половины подчиненных ему людей.

– Чем меньше, тем лучше, – Эстеритен закинул полупустой мешок за спину. – И действовать надо быстро, чтобы соседи не успели пронюхать о наших делах.

– Понял, – виконт расправил письмо. – Эту грамотку я пока оставлю при себе. Лучше бы она мне не пригодилась, но стоит подстраховаться заранее.

– Оставляю тебя тут за главного, – граф снял с шеи цепочку с печаткой и передал другу. – Дай Созидательница, все обойдется, и мы с Эми договоримся миром.

– Эми? – поднял бровь мужчина. – Это ты о нашей королеве?

– На Анну-Викторию она пока не тянет, – усмехнулся Филипп.

Виконт лишь покачал головой. Внутренне он соглашался со своим другом, вот только высказываться вслух у него прав не было. Филипп, пусть и очень дальний, только по хроникам и можно отследить, но родственник. Ему позволено больше, чем остальным. Правда, в случае неудачи графа, его могли потащить в пыточную только за то, что он слушал, но это еще надо доказать.

Филипп вышел из комнаты. Запирать дверь не было смысла – никаких ценностей он здесь не держал. Только тот минимум, который необходим в походных условиях. Все остальное находилось в поместье и городском доме. В окно было видно, что крыльцо уже поджидал конюх с парой лошадей. Немного подумав и решив, что поест в дороге, граф завернул на кухню, где ему быстро собрали в дорогу хлеб, немного мяса и сыра, флягу воды. Выйдя на крыльцо, Филипп вскочил на одну лошадь, зацепил поводья другой за луку седла и поднял руку, прощаясь с людьми. Кто-то осенил его благословением, кто-то прошептал молитву Созидательнице, и их командир покинул расположение корпуса.

Столица встретила Филиппа тишиной. Некогда оживленные улицы опустели. Редкий экипаж быстро проносился по дороге. Некоторые лавки были закрыты, а возле открытых больше не толпились люди. Лишь колокола церковей громко звонили, вознося к Созидательнице вместе со звоном молитвы людей за почившего короля. Город погрузился в траур, но внимательный человек мог бы увидеть, что люди не столько оплакивали монарха, сколько пытались подготовиться к грядущим переменам. Кое-где на окнах лавок появились решетки, количество замков увеличилось. И, не исключено, что рядом с подушкой многие держат если не топоры, то ножи. На случай возможных беспорядков.

Прежде чем являться во дворец, мужчина направился в свой городской дом. Следовало привести себя в порядок после дороги. Разумеется, так называемой королеве донесут, что граф Эстеритен уже прибыл в столицу, вот только радовать Анну-Викторию и ее сторонников неуместным видом он не собирался.

Пока слуги готовили воду, Филипп успел разобрать почту. Впрочем, все это были ничего не значащие письма, отвечать на которые не требовалось. Всю важную корреспонденцию ему переправляли на границу. И здесь мужчина отметил перемены. Прибавилось крепких людей во дворе, явно вызванных из имения, окна и двери укрепили, а ночью спускали сторожевых псов.

Когда он был готов, то, прежде чем, наконец, отправиться во дворец, вызвал дворецкого.

– Что нового в столице, Пьетро? – поправляя траурную ленту на мундире, поинтересовался он.

– Если господина интересуют обычные новости, то ничего примечательного я не могу сообщить, – как всегда с незначительного начал он. – Однако если вас интересует, о чем начались разговоры после кончины нашего монарха, да простит Созидательница его прегрешения, то тут много разного говорят.

– И о чем же говорят в народе?

– Разное говорят, милорд, – Пьетро посмотрел на вазу, потом перевел взгляд за окно. – Уж не прогневайтесь, но все больше народ за юную королеву выступает. Говорят, если вы попытаетесь выступить против нее, то столица встанет на ее сторону.

– И чем же она их так привлекает, – Филипп постарался, чтобы в вопросе не было никаких иных интонаций, кроме легкого интереса. Не пристало выдавать слугам истинные эмоции, пусть дворецкий всегда легко догадывался о них.

– Их привлекает ее скромность, отзывчивость, доброта, – словно обеденное меню перечислил дворецкий качества девушки. – Анна Виктория с четырнадцати лет помогала двум домам сирот да по мере возможности оказывала помощь семьям, оставшимся без кормильцев. Кроме того, она выдала средства на восстановление дома призрения и двух соседних строений после пожара, а также регулярно перечисляла деньги на столовую для бедняков. Многие семьи пусть раз, но получали от нее хоть что-то, когда приключалась нужда. Люди ждут, что после ее восшествия на трон их положение улучшится.

– Благодарю, Пьетро, можешь идти.

Когда дворецкий вышел, Филипп в ярости забежал по кабинету. Пока он был на границе, эта девчонка не теряла зря времени. Разумеется, чернь будет стоять за свою благодетельницу. Вот только она забыла о другом, куда более важном факторе. За ним, графом Эстеритен, стоит гвардия, готовая поддержать его требования на трон. Это не регулярные войска, а элита. Значит, надо напомнить ей об этом. И посмотреть, как она будет изворачиваться. А еще есть дворяне, которые будут не довольны новой королевой. И у них есть своя сила, с которой необходимо считаться.

Но тут новая мысль поразила его. Он не может сейчас использовать войска. Население столицы и ее окрестностей в большинстве своем поддержат королеву, а не его. Нет, разумеется, будут те, кому правление блаженной девчонки придется не по душе, но их не так много. А большинство предпочтет затаиться и выждать, присоединившись к той стороне, которая гарантированно окажется победителем. При этом не стоит забывать о королевской страже – истинной военной элите их страны. Занять столицу за один день не получится. А потом новости начнут распространяться по стране, и кто знает, чью сторону займут крестьяне и горожане, не довольные налоговым гнетом. Но обязательно они вступятся за местную власть, которая поддержит его, графа. Куда более вероятно, что они выступят на стороне этой девчонки. А это означает одно – гражданскую войну. Чем, несомненно, воспользуются соседи, чтобы получить как можно больше. Разумеется, потом они перегрызутся между собой из-за особо лакомых кусков, только Дельменгорсту будет уже все равно.

Филипп со всей силы ударил кулаком по стене, чтобы потом, сдавленно шепча проклятья сквозь стиснутые зубы затрясти, ею в воздухе. Тот факт, что он несколько лет провел на границе, не пуская дальше нескольких лиг кочевников и захватчиков из Вастилианы, ничего не значит для жителей столицы и северных провинций. Да для них он обыкновенный солдафон, способный махать палашом и требовать из казны средства на укрепления, усиление. А еще забирать последних кормильцев семей в рекруты. Новый удар обрушился на этот раз на ни в чем не повинное кресло.

Что ж, начало битвы он проиграл. Но все еще впереди. Филипп вышел из кабинета и бросил взгляд в зеркало – оттуда на него смотрел бравый гвардеец в форме полкового командира с траурной лентой через плечо. Под глазами залегли складки – беспокойные недели на границе и два бессонных дня давали о себе знать. Бронзовый загар подчеркивал белизну камзола, синие манжеты и ворот которого были расшиты золотом. Через плечо переброшена черная лента. На лице выражение усталости и скорби, и только в глубине синих глаз затаилась ярость.

В руке темно-синяя треуголка с белоснежным пером и, как завершающая деталь – шпага в кожаных ножнах. Можно было бы взять что-то более дорогое и подходящее внешнему виду и приличиям, но мужчине откровенно не хотелось искать церемониальное оружие, которым он не пользовался уже много лет. Разумеется, Пьетро знал, где храниться шпага в ножнах из дорогих пород дерева и кости морского зверя, с инкрустированной драгоценными камнями рукоятью. Явно где-то под замком. Вот только испытанный в бою клинок был привычной дорожкой игрушки. У крыльца графа уже ждал его конь, немного отдохнувший после долгой дороги и заметно повеселевший. Филипп вскочил в седло и, едва тронув коня шпорами, направился во дворец.

По практически безлюдным улицам граф быстро добрался до королевского дворца. Приспущенные флаги тряпками обвисли над коваными воротами в виду полного штиля. Стража в парадном облачении с траурными перевязями лишь скользнула взглядом по прибывшему и более никак не обозначила своего внимания. Впрочем, Филипп знал, что это их бездействие и равнодушие напускные, люди с первого быстрого взгляда поняли, кто прибыл во дворец. Более того, они запросто могут в мельчайших деталях описать его камзол и сказать на каком копыте коня нет одного гвоздя в подкове, а где в гриве запуталась паутинка. И в бою эти малые могли дать фору любому его гвардейцу. Не случайно именно они несли службу во дворце, охраняя не только и не столько монарха, сколько сокровищницу, архив и министерство, занимавшее огромное южное крыло. Впрочем, последнее носило скорее декоративную функцию, поскольку министры назначались покойным королем не столько по принципу целесообразности, сколько по умению приятно проводить время и составлять компанию монарху в его развлечениях. И оставалось только удивляться, что королевство не перестало существовать при покойном правителе. Видимо, исключительно молитвами граждан.

Граф решил не мелочиться и воспользоваться парадным входом, а не тащиться через парк к выходу, которым обычно пользовались придворные, постоянно находившиеся при дворе. У ступеней лестницы его уже ждал слуга. Кинув ему поводья, Филипп вошел во дворец, размышляя, а не встречали ли его и на втором входе. А может, реши он воспользоваться дверью, через которую выносят помои, то и там бы стоял слуга, готовый отвести его коня в конюшню, а потом подвести именно к тому выходу, которым мужчина решит покинуть монаршую резиденцию, если его выпустят, разумеется, а не отправят в подвалы министерства. Все могло быть, а, возможно, его слишком хорошо успели изучить. Что ж, придется ему заняться тем же самым – присмотреться к окружению королевы, прежде чем предпринимать хоть какие-то действия. Того, что сообщил дворецкий, было понятно, его уже переиграли, поэтому стоит подождать с действиями. Быть может, еще не все потеряно.

Во дворце было тихо. Не было вино слуг, обычно находившихся в каждом зале и готовых приблизиться по первому знаку, чтобы выполнить распоряжение. Чем ближе граф Эсте-

ритен подходил к жилым залам, тем больше это вызывало подозрения. Исчезли и вездесущие придворные, о чем-то оживленно спорившие по углам, дабы не мешать остальным. Впрочем, громкие голоса вошедших в раж спорщиков, все равно были слышны всем и каждому. Пропали фрейлины, регулярно строившие глазки военным или молодым гражданским. Только королевская стража стояла на своих местах, производя впечатление статуй, а не живых людей.

– Граф, – с поклоном приблизился к нему слуга, и Филипп, к своему стыду, чуть не подпрыгнул на месте от неожиданности. – Ее величество Анна-Виктория ждет вас в кабинете, – мужчина еще раз поклонился и жестом предложил следовать за ним.

Филипп хорошо помнил этот кабинет. Когда ныне покойный король утруждал себя государственными делами, именно там он предпочитал изучать бумаги, вместо того, чтобы пользоваться помещением в министерском крыле. Изредка графу Эстеритен приходилось бывать там по делам приграничья. Тем интереснее было посмотреть, как обустроилась дочь покойного. Сам Филипп, в случае своей коронации, собирался перенести кабинет в министерское крыло. Там было бы удобно одновременно и заниматься делами, и контролировать весь процесс.

Объявив о прибывшем, слуга посторонился, давая графу пройти. Сделав несколько шагов, Филипп остановился точно в центре свободного пространства перед огромным заваленным бумагами столом. Четко напротив него в большом кресле сидела хрупкая девушка в простом черном платье, без намека на макияж. Светлые волосы забраны черной сеткой, маленькие пуговицы серег чуть мерцают в свете свечей, скромный вырез платья не дает простору глазам. Впрочем, мужчина отметил, что фигурка девушки претерпела изменения, и из угловатого подростка стала проявляться хорошенькая девушка. Разумеется, дурнушкой она никогда не была, но, сравнивая, какой он запомнил ее на балу, Филипп отметил, что сейчас она куда больше симпатична ему как женщина. Которой бы он с радостью свернул ее тоненькую шейку.

Тем временем девушка подняла голову, и даже в скудном свете свечей было заметно, что она утомлена: под глазами залегли тени, а белки покраснели.

– Рада вас видеть, граф, – тихо произнесла она.

– Ваше высочество, – Филипп поклонился, впрочем, не так низко, как это требовалось этикетом. – Мои соболезнования.

– Благодарю вас, кузен, – она собиралась еще что-то сказать, но тут за дверью раздался шум, а потом в кабинет вкатился толстенький мужчина, каким-то образом распахив стражу и слуг.

– Ваше величество, – всем своим видом выражая негодование, заговорил он, – я пришел узнать, по какой причине меня не пускают в министерский корпус.

– Видимо, потому что вы более не являетесь министром, маркиз, – спокойно произнесла девушка.

– Я что? – по лицу мужчины начал расплываться гневный румянец. – Но на каком основании...

– Маркиз Дельтей, – к удивлению Филиппа в голосе королевы зазвучал металл, – я не обязана перед вами отчитываться, но скажу. На тех основаниях, что вы не справляетесь со своими обязанностями.

– Но ваш покойный батюшка...

– Мой покойный батюшка, – вновь не дала ему договорить Анна-Виктория, – очень ценил вас в качестве собутыльника, как и то, что вы закрывали глаза на любовную связь между ним и вашей дочерью, которая на тот момент едва была представлена свету. Мне же нужны люди, разбирающиеся в том деле, которое им поручено. С кем в начале прошлого месяца состоялось обручение младшей дочери короля Вастилианы?

– Какая помолвка? – удивился маркиз. Филипп напрягся. Какое-то внутреннее чувство предупреждало о возможной опасности. – Девочке едва минуло шестнадцать лет.

– Между прочим, в их стране этот возраст не является помехой. А обручена она с наследным принцем Астизиры.

– Что? – Филипп не сразу узнал свой голос.

– Вижу, вы удивлены граф? – повернулась к нему принцесса. – Что ж, вот сообщение от наших торговцев, которым посчастливилось быть приглашенными на это мероприятие.

Эстеритен взял из рук девушки бумагу и несколько раз внимательно прочитал текст, после чего вернул свиток обратно и бросил уничижительный взгляд на маркиза.

– Мы привыкли получать новости из дворца, – произнес он. – Наш гарнизон расположен в стороне от торговых путей. Видимо, милорд и его подчиненные были слишком заняты, чтобы уделять внимание такой информации.

– Вы можете идти, маркиз, – бросила на мужчину взгляд Анна-Виктория, – можете оставаться в городе, а можете отправиться в свое поместье. Решайте сами. Так же и с вашим присутствием на похоронах и коронации.

Дельтей бочком выскользнул из кабинета, дабы не навлечь еще большего гнева.

– Кузен, – вновь, уже более ласково, обратилась королева к графу, – если вдруг случится так, что вы займете этот трон, умоляю, ни в коем случае не возвращайте на свои места прежних министров. Они хороши во время застолий, игры в карты, на охоте, но абсолютно ничего не смыслят в политике и экономике.

– Благодарю, кузина, – вновь поклонился граф, на этот раз немного ниже. – Думаю, в этом я последую вашему совету.

– Не смею более вас задерживать, Филипп, – мягко произнесла девушка и, словно извиняясь, добавила, – как видите, у меня здесь еще масса работы.

С очередным предписанным этикетом поклоном граф покинул кабинет. Разумеется, он не собирался оставлять никого из королевских ставленников на их местах. Нынешняя сцена лишней раз продемонстрировала их компетентность, точнее полное ее отсутствие, о чем мужчина уж подозревал. Пропустить образование союза крупнейшей морской державы и их злейшего врага – что может быть хуже? Ему ее придется крепко подумать, что можно им противопоставить. Другое дело, что Эми сейчас сама создает себе новых врагов. И Филипп уже примерно знал, как можно воспользоваться этой ситуацией, чтобы чужими руками расчистить дорогу к трону. Главное быть осторожным в своих обещаниях. Золото, земли, привилегии, награды, но не посты и чины.

Новоиспеченная королева устало посмотрела на дверь. С одной стороны, появление этого маркиза несколько спутало ее планы. С другой, рано или поздно подобная встреча должна была произойти. И даже к лучшему, что все произошло именно так. Во всяком случае, она смогла продемонстрировать кузену, насколько эти люди, звавшиеся при ее отце громким словом министры, на самом деле соответствуют этим должностям. Разумеется, граф все равно прибегнет к их помощи, пытаясь захватить трон, но хоть не вернет их обратно, если добьется своего. Почему-то в последнем девушка не сомневалась. Что бы она ни делала, Филипп все равно станет королем. И не важно, что после этого станет с ней. В лучшем случае, она окажется в каком-нибудь захолустном монастыре. В худшем... Думать об этом не хотелось.

Единственный вопрос, который задавала себе Анна-Виктория, хватит ли у нее времени хоть немного стабилизировать положение в стране? Все-таки у нее было два дня, чтобы предпринять первые шаги. Девушка вздохнула. За это время сделано так много, вот только результат будет замечен не сразу. А скоро настанет время платить жалованье армии. И это самое главное. Не стоит лишней раз злить тех, кто изначально настроен против нее. Но успеет ли она получить необходимую сумму, или придется брать в долг – сказать было сложно.

А кроме армии есть чиновники, которые тоже ждут выплат. И пусть сейчас она успела уволить несколько министров, их заместители получили повышение по должности, но не по доходам, все равно потребуются внушительные суммы для того, чтобы и эта государственная

машина работала. И эти суммы ей нужно найти также в короткие сроки. А еще есть государственные школы, лечебницы и много других заведений, которые должны получать деньги из казны. Деньги, которых нет, и которые ростовщики дают под невыносимые проценты. Впрочем, сейчас надо найти деньги для армии, остальное может подождать еще несколько недель.

За два дня до описываемых событий.

Как и приказала принцесса, стража стояла у каждого из обозначенных ею помещений. Анна-Виктория прошла по коридору в малую приемную, где ее уже ждал мужчина лет шестидесяти, скромно одетый и с небольшим местом потертым саквояжем в руках.

– Ваше величество, – он низко поклонился ей, – мои соболезнования, ваше величество.

– Благодарю вас, мастер Шамиль, – девушка вздохнула. Все-таки непривычно было осознавать, что отныне она – королева. – Думаю, вы весьма удивлены, получив от меня приглашение именно сегодня.

– Да, ваше величество, – он переложил саквояж из одной руки в другую, было непривычно находится во дворце. – Впрочем, я больше удивлен тем, что понадобился вам именно сегодня.

– Мастер Шамиль, знаете ли вы, в каком положении находится казна? – неожиданно заинтересовалась девушка.

– Смею лишь догадываться, что положение не столь радужное, как это было принято представлять, – осторожно произнес он.

– Вы весьма деликатно выразили свои мысли, – горько усмехнулась девушка. – Там пусто, более того, мы должны немалые суммы ростовщикам.

– Но чем я могу помочь вашему величеству? Все мое имущество ваше, но, боюсь, там слишком мало того, что может принести вам пользу. Я всего лишь бедный антикварий, – мужчина смущенно переступил с ноги на ногу.

– Некогда вы были великолепным ювелиром, – ласково улыбнулась девушка. – Именно поэтому, а еще потому, что я знаю вашу честность, мне и нужна ваша помощь.

– Ваше величество забыли, после несчастного случая мои руки утратили былую ловкость и чувствительность, почему и пришлось сменить профессию.

– Но ваши глаза все так же зорки, мастер Шамиль, – возразила королева. – Кроме того, ваши знания помогут отличить по истине ценную вещь от дешевого куска золота с камнями, – глаза Анны-Виктории хитро блеснули.

– Вы что-то придумали, – тут же понял ее мысль мужчина.

– Я хочу, чтобы вы изучили все, что собрано в нашей сокровищнице, а позднее и во всем дворце: залах, столовых, кладовых, – не стала ходить кругами девушка. – Составьте описание того, что представляет ценность не только из-за затраченных материалов, но и как произведение ювелирного искусства. Я хочу провести аукцион и продать те залежи ваз, сервизов и украшений, которые дарились нашей семье по поводу и без, лишь для завоевания расположения. Даже я, мало разбираясь в ювелирном деле, видела такие вещи, которые не жаль отправить и в переплавку на монетный двор.

– Буду рад, если смогу помочь вам, ваше величество, – поклонился мужчина.

– Так же я попрошу вас составить отдельную описание предметов, ценных не столько за материалы, сколько за их историю. Думаю, это может быть оружие, доспехи, возможно ряд картин, скульптур. У меня есть одна идея, как можно сделать так, чтобы и они приносили хоть немного денег, но это будет решаться потом. Прежде всего, ценные безвкусные безделушки и бесчисленное количество фарфора, если не фаянса.

– Как я понимаю, историю предметов следует кратко изложить, чтобы люди могли с нею ознакомиться.

– Было бы хорошо, – улыбнулась девушка. – Но это не к спеху. Я провожу вас.

Новый шум в коридоре отвлек юную королеву от воспоминаний. Но нет, это всего лишь смена караула у дверей кабинета, а не очередной отставленный от должности министр с требованием объяснений. Сколько их уже отметилось в этом кабинете? Трое? Еще столько же или столь безответственно относятся к своим делам, что не удосужились и в эти дни появиться во дворце, или уже знают, что их тут ждет. Вздохнув, королева вернулась к работе. Многого придется делать самой.

Девушка быстро пробежала глазами по списку, составленному сенешалем. Три городских особняка, два загородных поместья, не считая летнего дворца, десяток охотничьих домиков. Все эти здания большую часть года пустовали, требуя больших расходов на прислугу, поддерживающую их в надлежащем состоянии. Анна-Виктория вычеркнула летний дворец, один охотничий домик, особенно памятный для нее и один особняк, на который у девушки были свои планы. Все остальное так же продадут на аукционе. Меньше всего ей хотелось сохранять за собой особняки и поместья, где отец развлекался с любовницами, когда тело ее матери еще не предали земле.

Предварительный список от мастера Шамиля уже лежал на столе. Двадцать кубков, порядка десяти сервизов, несколько статуэток, которые и сама она считала верхом безвкусицы, многочисленные подсвечники, блюда, подставки. Девушка смело отметила статуэтки, и ряд предметов, которые помнила визуально. С остальными вещами рисковать не стала, решив подождать окончательного утверждения предметов, как не имеющих художественной или исторической ценности. Список кастаньяна так же радовал глаз. Бесконечные рулоны тканей, меха, перины, подушки, мебель, которая чем-то не угодила предыдущим обитателям дворца, многочисленным фаворитам и фавориткам, с легкой руки отправленная в кладовые. Напротив тканей девушка аккуратно вывела указание, продать только половину дорогих и оставить все дешевые. Остальное следовало распродать. Уж лучше потом докупить недостающее, чем сейчас оставить на съедение моли, жукам и другим вредителям. А потом еще и вредителей выводить.

Оставалось самое тяжелое – решить, кого из прислуги отпустить, кто останется присматривать за дворцом, а кто отправится вместе с ней в летнюю резиденцию. Собственно, летний дворец был пригоден для обитания в любое время года, а назывался так из-за своих небольших размеров. Если на обслуживание большого дворца требовалось не менее сотни слуг, не говоря про людей, обслуживавших придворных и находившихся при службах, то там хватило бы и трех десятков человек, самое большее – четырех, если все комнаты будут заселены. Анна-Виктория со вздохом отложила последний список в сторону. Было решено, вскоре она отправится в летнюю резиденцию, с ней переедут три девушки из тех, кто не успел побывать в постели ее отца, и нянька. Остальные разъедутся по своим поместьям. Гильермо был не доволен принятым решением, поскольку считал, что ее величество подвергает себя большой опасности, особенно когда ежедневно будет отправляться в министерство, а потом возвращаться обратно, но Анна-Виктория оказалась непреклонна. Все доводы стражника разбивались об одну единственную фразу: «Гильермо, иначе я не смогу найти денег, чтобы заплатить людям».

Радовало одно – работа в министерстве не остановилась. Кажется, после произведенных отставок, люди, напротив, вздохнули свободней и активно принялись за дела. Собственно, назначенные на ответственные посты были или помощниками министров, или их секретарями, а, значит, оказались в курсе дел. Разумеется, за ними тоже придется понаблюдать, чтобы отсеять совершенных бездарей. Равно как и сократить количество тех, кто не занимается ничем, просиживая за плату штаны. Но, в большинстве своем, это была слаженная машина, где прежнее руководство оказалось лишь песчинкой, затруднявшей работу механизма.

Девушка потянулась. От длительного сидения устала спина, а глаза сами собой закрывались. Она взяла колокольчик и позвонила. На пороге тут же возник лакей.

– Ваше величество? – поклонился он.

– Распорядитесь, чтобы мне принесли кофе и что-нибудь перекусить. Обедать я не буду, – юной королеве стоило большого труда отдавать приказы слугам, особенно когда они были ощутимо старше нее.

– Будет исполнено, ваше величество, – мужчина развернулся на каблуках и покинул кабинет.

Анна-Виктория отложила в сторону бумаги по предстоящему аукциону. Список выставяемого на торги имущества можно было пополнять и пополнять. Она бы с радостью продала все свои вещи, если бы это помогло отсрочить возможную катастрофу. Вот только никакими ценностями девушка обрасти не успела. А то, что у нее было, или досталось от матери, которую она не помнила, или не представляло ценности.

Дверь кабинета открылась, и на пороге возник ее секретарь, довольно молодой юноша, которого можно было бы назвать привлекательным, если бы не небольшой горб. Впрочем, сам он не обращал внимания на свой недостаток, а тогда еще принцессе пришлось по душе его легкий нрав и глубокий ум. В свое время именно она помогла молодому человеку оплатить учебу, после чего изредка пользовалась его услугами. Когда же отец объявил Эмилию наследницей, именно Андреас стал первым учителем будущей королевы. И вот, спустя семь лет, прошедшие со дня знакомства, юноша обнаружил себя в качестве второго лица в государстве. Не сказать, чтобы он был в восторге от свалившегося на него счастья, но и не противился, относясь ко всему философски. Еще неизвестно, что их всех ждет через несколько недель.

– Доброго дня вашему величеству, – он подошел к столу и водрузил на него поднос с чашкой, сахарницей, молочником, дымящимся кофейником и большим блюдом свежей выпечки. – Вот, перехватил у лакея на пороге.

– Ну, сколько тебе можно повторять, Андреас, приносить мне кофе не входит в твои обязанности, – мягко упрекнула юношу королева.

– Можно подумать, у меня их так много, – не остался в долгу секретарь. – Даже превратившись из высочества в величество вы не спешите загрузить меня работой.

– Наверное, потому что я и сама пока еще не знаю, за что хвататься, – вздохнула девушка, наливая темно-коричневую жидкость в чашку и приправляя ее ложечкой сахара. Юноша лишь покачала головой, но промолчал. – Последние три года я многому пыталась научиться, но мне катастрофически не хватало практики. Отец забросил все государственные дела, а его люди следовали его примеру. Книг, в которых учат, как управлять государством, не так много. И в основном это философские трактаты. Даже помощь тех людей, которых ты мне рекомендовал не смогла восполнить все пробелы.

– Значит, будем учиться вместе, – расплылся в улыбке Андреас.

– Если нам дадут время, – Анна-Виктория сделала глоток, потом вернула чашку на поднос и взяла исправленные списки. – Перепиши их начисто и отдай соответствующим людям. Объявления готовы?

– Да, ваше величество. Сегодня их развешат по городу, а также будет большое объявление в газете.

– Хорошо. Осталось молить Созидательницу, чтобы вырученных средств хватило хотя бы на пару месяцев, – девушка вновь потянулась за чашкой, прихватив с тарелки и румяную булочку. – Что говорят в городе?

– Народ не очень доволен скромностью мероприятий связанных с похоронами его почившего величества, но, судя по разговорам, в нынешних условиях все это устраивает их куда больше, нежели пышный траур, к которому прибегали ваши предшественники.

– Если бы все зависело только от меня, отца бы скромно отпели в дворцовой часовне и похоронили без этих караулов, салютов и прочей мишуры.

– Ваше величество, – в притворном ужасе воскликнул юноша, – но разве ж так можно? Как ни крути, а тело короля должно предъявить народу, чтобы не поползло каких слухов. А то и двойники появятся.

– Понимаю, – прожевав сдобу, ответила юная королева. – Только потому я не урезала весь этот церемониал, отменив только пышные поминки с бочками вина и пива на улицах, горами закусок и салютованием почившему монарху. Кому надо, пусть поминают по особнякам, которые выстроили на подаренные деньги и хоть упьются.

– Что ж, ваша воля, – Андреас убрал листы в свою папку.

– Если бы можно было сэкономить и на коронации, – девушка поставила на стол пустую чашку.

– Вы и так урезали все расходы, – покачал головой секретарь. – Остались только пред-коронационная месса в главном соборе, раздача милостыни, торжественный обед для узкого круга лиц, и для горожан салют и угощение. Нет ни парада, ни балов, ни концертов. Люди будут недовольны, ваше величество.

– У меня траур, – отрезала девушка. – И он будет продолжаться положенные три месяца. А если кому-то нужны развлечения, пусть развлекаются по своим поместьям. Я никого не собираюсь держать в столице. А простое население меня поймет. Все они теряли близких и понимают, что развлечения в такое время не уместны. Сейчас я не уединяюсь в своей комнате или дворцовой часовне, и не читаю молитвы за почившего отца, лишь потому, что он оставил мне гору проблем, и мне некогда лить слезы.

– Но, может, стоило бы немного расширить список праздников для простых людей. Скажем, пригласить несколько трупп странствующих актеров, или устроить ярмарку?

– Андреас, а ты не одолжишь мне тысяч пять золотых? – девушка откинулась на спинку кресла. – Как раз хватит на актеров. А на остаток украсить рынок, чтобы походил на ярмарку. Мало ли кто из купцов достанет свои запасы, или проездом заглянет.

– Ваше высочество, ну откуда у простого секретаря такие деньги? Вы же прекрасно осведомлены о моем жаловании, – удивленно посмотрел на нее секретарь.

– Вот и у меня их нет, – печально произнесла Анна-Виктория. – А брать в долг у ростовщиков я не могу. Ты хоть знаешь, какие долги я унаследовала вместе с короной? Только личные расходы отца составляли порядка трех миллионов золотом. И на что? – девушка презрительно скривилась. – А еще надо платить жалование чиновникам, армии, флоту, точнее его останкам, изыскивать средства на приюты для сирот, дома призрения, больницы для бедных. Наши расходы давно в несколько раз превышают доходы от налогов. А если мы поднимем налоги еще немного, то люди восстанут. Это какой-то замкнутый круг. Я стараюсь максимально снизить расходы на содержание двора, но это так мало, – девушка лишь махнула рукой. – Еще немного и можно будет выставлять на аукцион ночи с королевой. За первую удастся выручить много, как-никак королева-девственница, а вот дальше... – она подняла голову и посмотрела на своего секретаря, с ужасом взиравшего на свою госпожу. – Да шучу я, Андреас. Просто я не представляю, что делать. Все так внезапно свалилось на меня.

– Думаю, прежде всего, надо найти средства на армию, – задумчиво произнес секретарь. – Пока мы им платим, будет меньше поводов для недовольства.

– Пока позволяет мой кузен, – печально улыбнулась Анна-Виктория. – Не забывай, армия спокойна, пока этого хочет он. Иначе его не остановят ни война, ни кочевники. Выплата или невыплата жалования не будут играть никакой роли. Филипп будет ждать моей ошибки, чтобы воспользоваться ситуацией.

– Тогда тем более, жалование солдатам должно быть нашим приоритетом, – юноша что-то черкнул на листе бумаги. – Потом надо постепенно сократить чиновников. Я понимаю все, но десять писцов у одного помощника министра – это перебор.

– Но, если мы выкинем этих людей на улицы, то они пополнят ряды безработных, а, значит, недовольных, – покачала головой королева. – Хотя, если организовать какие-нибудь работы, которые давно нужно сделать, то это несколько разрядит ситуацию. Вроде как мы и с безработицей боремся, и наболевшие проблемы решаем.

– Я подумаю над этим, – еще одна пометка. – Пока мы можем зафиксировать жалование для работников министерства, ну и перестать финансировать какие-нибудь незначительные траты. Думаю, это поможет нам уменьшить расходы по этой части.

– Посмотри, что можно будет сделать, – кивнула девушка. – Ты часто бываешь в министерском корпусе. Пообщайся там осторожно, может, имеет смысл произвести еще кое-какие перестановки. Думаю, если я отправлю на улицу вместе с одним горожанином пару виконтов, народ не осудит такой шаг. Пока можешь идти.

– Как скажете, ваше величество. Только разрешите мне одно маленькое замечание – вам надо отдохнуть.

– Позднее, Андрес, пока у меня нет на это времени.

– Если вы потеряете сознание на похоронах или, не приведи Созидательница, на коронации...

– Народ решит, что королева слишком радеет о его благе, забывая о еде и сне, – попыталась отшутиться Анна-Виктория. – Не беспокойся обо мне. Видишь, голодной я не останусь. Вот разберусь с этими донесениями, – девушка указала рукой на внушительную стопку по левую руку, – и можно будет отдыхать.

Секретарь лишь укоризненно покачал головой, поклонился и покинул кабинет.

Глава 2

Не успел Филипп покинуть кабинет, где его принимала королева, как к нему, предварительно убедившись, что рядом нет слуг или стражи, осторожно приблизился маркиз Дельтей. Со стороны это выглядело странно. Что могло понадобиться этому человеку от простого графа, который в любой момент может быть выслан из столицы, если в его поведении что-то покажется подозрительным. Причем не королеве – она ничего не заметит, а ее сторонникам, тому же Гильермо, к примеру.

– Милорд, – мужчина слегка склонил голову, приветствуя его, – мы не были представлены ранее, тем не менее, я счел для себя возможным дождаться конца вашей аудиенции.

– Чем же моя скромная особа заинтересовала вашу светлость? – осторожно осведомился Филипп, уже догадываясь, что от него ожидают.

– Я бы хотел предложить вам свое содействие, – восторженно произнес Дельтей, не думая понизить голос. – Всем понятно, что именно вас наш король должен был назначить своим преемником. Но то ли фаворитка что-то нашептала, то ли доченька, но вышло так, как вышло. А теперь мы все страдаем.

Филипп невольно поморщился. Маркиз слишком увлекся рассуждениями о том, как неблагодарно поступил с ним почивший монарх, что девчонка должна была отречься в его, графа, пользу, ничуть не смущаясь, что его могли слышать. Граф невольно оглянулся, но поблизости не было никого, кто потом мог бы донести королеве на крамольные беседы прямо во дворце. Надо было поскорее заканчивать этот разговор.

– Я понял вашу мысль, ваша светлость, – когда Дельтей на мгновение замолчал, смог вставить слово в его излияния граф. – В настоящий момент я не могу дать вам никакого ответа.

– Понимаю, понимаю. Вас долго не было в столице...

– Именно, – пока маркиз не наболтал лишнего, вновь оборвал его Эстеритен. – Накануне было столкновение с варварами, а последнюю ночь я провел в седле. Боюсь, я слишком устал для того, чтобы трезво мыслить. Поэтому прошу меня простить, но мне нужен отдых. Думаю, дней трех будет достаточно, – Филипп попытался изобразить многозначительную улыбку, после чего поклонился Дельтею и поспешил к дверям, ведущим в королевский парк, в надежде, что там никого не будет.

Надеждам сбыться не удалось. Едва он миновал двери на террасу, как его тут же ухватили под локоть. Обернувшись, он узнал баронессу фон Риспани, женщину лет двадцати пяти.

– Филипп, – кокетливо сверкнула на него глазами баронесса, попутно прикрывая веером улыбку, – как давно вас не было в столице. На своей границе вы совсем превратились в отшельника. Я даже не сразу вас узнала. Этот загар. Чудно, что вы еще не отпустили броду как те самые варвары. Скоро забудете, как надо обходиться с женщинами. Как же я рада вас снова видеть.

– Мариетт, – Филипп радушно приветствовал ее. Пусть баронесса болтала много ерунды, таковы правила нахождения при дворе. От фрейлины не требовалось особого ума. В почете были иные достоинства. – А вы все хорошеете и разбиваете сердца мужчин. И как барон отпускает вас ко двору? Я бы на его месте предпочел запереть столь молодую и хорошенькую жену в самом дальнем поместье и выпустил только после того, как она родит мне минимум троих детей.

– Вы хотите сказать, после того, как она станет старой и страшной, – рассмеялась женщина. – Все меняется, только вы, граф, остаетесь таким же. И вы совсем разучились общаться с женщинами. Всего один комплимент, – женщина состроила недовольную гримасу, при этом глаза ее стали серьезны. – Барон здесь, в столице. Мы прибыли на похороны.

– Надеюсь, вы простите меня, дорогая Мариетт, – граф поцеловал затянутую в шелковую перчатку руку. – Я только сегодня прибыл в Атрию, проведя всю ночь в седле, а накануне был тяжелый бой. Боюсь, пока не отдохну, мое красноречие и дальше будет желать лучшего. Обещаю, что в скором времени нанесу вам визит.

– Мы будем рады видеть вас, – черные глаза молнией стрельнули в мужчину. – Мой муж и сам собирался писать вам. Так что я принесу ему радостные вести.

– В таком случае я покидаю вас, – Филипп еще раз поцеловал женские пальчики, после чего уверенным шагом направился к конюшням.

Баронесса взглядом проследила за графом, прикрывая веером дольную улыбку. Пребывание в столице обещало быть не менее веселым, чем при жизни прежнего короля. Возможно, куда веселее. Все-таки балы балами, вот только все это успело приесться. Зато участие в такой интриге заставляло кровь быстрее бежать по венам. Филипп – достойная фигура в игре под названием «борьба за власть». У него куда больше шансов, чем у этого недоразумения, родившегося принцессой. Ну и в остальном мужчина должен оправдать ее надежды. Муж хорош, но что делать, если порой хочется разнообразия.

Вернувшись в особняк, граф Эстеритен тут же распорядился насчет обеда, после чего приказал никого не впускать, даже если это будет сама Созидательница, и поднялся к себе в спальню. Парадный мундир тут же отправился в кресло, а вместо него мужчина облачился в ставшие привычными за годы на границе простые брюки и блузу. Потом случайно поймал свое отражение и усмехнулся. Почти такой же как и их блаженное величество, разве что здоровее и моложе. То же выражение лица, немного удивленный взгляд, желания. Как мало надо было, всего несколько слов баронессе, и он уже задумывается над проникновением в ее спальню. Надо срочно брать себя в руки. А для этого нужно не так и много – просто возвращаться в обществе. Судя по всему, кто-то во дворце все еще бывает. Пусть бывшие министры из аристократии разогнаны, это не означает, что придворные покинули город. А если кто-то и готовился отправиться в свои имения, то прибытие претендента на трон должно отложить их отъезд. Филипп мотнул головой. Сумбур в голове, рожденный усталостью, немного разошелся. Сейчас нет смысла строить какие-то планы. Прежде всего, требуется отдохнуть. Остальное может подождать хотя бы несколько дней.

От мыслей отвлек лакей, сообщивший, что ужин готов. Граф велел накрыть стол в кабинете. Идти в столовую Филиппу не хотелось. Он отвык от приема пищи в одиночестве. Рядом постоянно были или Андрес, или кто-то из капитанов. Можно было переброситься парой шуток, обсудить последнее нападение или просто поговорить на абстрактные темы, то есть позубоскалить о женщинах. Да и настроение его требовало тишины небольших помещений, где можно спокойно подумать обо всем и ни о чем.

Отпустив слуг, Филипп налил себе вина и с бокалом подошел к карте. Север и восток страны были закрыты от вторжения извне горами. За это направление можно было не беспокоиться. Естественные границы были проходимы только два месяца в году, и основная торговля с соседями велась по морю. Запад также не внушал больших опасений, поскольку местные князья старались не трогать сильных соседей, предпочитая междоусобную грызню за незначительные территории. А вот южная граница в свете последних новостей приобретала не просто первостепенное значение. Требовалось существенное усиление этих земель, скорейшее строительство новых дорог, казарм, защитных укреплений. Видимо, придется переселять людей в северные провинции. Но как удержать их там, если на одного крестьянина приходится десяток чиновников?

Граф тихо пробормотал себе под нос несколько заковыристых ругательств, уместных скорее в казармах, чем в доме аристократа. Почивший монарх успел настолько развалить страну, что оставалось удивляться, как ее еще не растащили на кусочки соседи, или она сама не рас-

палась на мелкие государства. Наверное, лишь потому, что король скончался совсем недавно, а его бывшие придворные еще не успели дойти до такой мысли. Поэтому надо действовать быстро. У него нет права на ошибку, потому что иначе править будет нечем.

Филипп сделал глоток, немного покатал вино во рту, наслаждаясь вкусом, и проглотил. Затем залпом осушил бокал. Вернувшись к столу, сел и задумчиво уставился в пустую тарелку. Вспомнились усталые глаза Эми. Было видно, что девушка не в молитвах провела эти три дня. Судя по ее осведомленности в тех вопросах, о которых не знали министры, стопкам бумаг на столах и изможденному виду, она сразу же принялась за дела государства. Мужчина почувствовал, что ему даже интересно, до чего она дойдет своим умом. Действительно, стоит немного подождать. Все равно ему надо разобраться, что происходит в столице и за ее пределами. В последние месяцы он был занят исключительно боями с варварами и упустил из виду все остальное.

Опять же, кто знает, до чего додумается эта девчонка с миссионерским взглядом на жизнь. Заодно будет время посмотреть, кто поддержит его в борьбе за трон. Разумеется, не стоит даже в мыслях рассчитывать на этого идиота Дельтея. Другое дело барон и баронесса фон Риспаньи. Они достаточно знатны, богаты, обладают различными связями. И могут многое потерять, поскольку земли их расположены в южной части страны. Есть и другие заинтересованные лица. Кто-то зависим от расположения земель, у кого-то дети, братья или иные родственники выбрали военную службу, а кто-то просто не приемлет женщину на троне.

И вновь мысли графа вернулись к Вастилиане. Если до этого дня южные соседи не стеснялись совершать набеги, то новый союз и вовсе приведет к мысли о вседозволенности. Требуется как можно скорее усилить южные части, начать строительство фортов и укреплений. А еще требовались большие совместные маневры армии и флота. И, если бы это было возможно, Филипп не пожалел бы на их проведение собственных денег. Вот только выпускать в море те три сторожевика, которые едва держались на плаву, было бы смерти подобно. Это бы не только не предотвратило вторжение, но, напротив, привело к тому, что армия соседей бодро перешла бы границу, а вдоль побережья выстроился флот их новых союзников.

Филипп откинулся на спинку кресла. Он не представлял, что делать. А действовать надо быстро, пока соседи не зашевелились. В том, что это рано или поздно произойдет, мужчина не сомневался. Демоны, да если бы на границе были нормальные укрепления, шла приличная дорога, то одного его полка было бы больше чем достаточно для предотвращения набегов. Сколько раз уже они обсуждали эти вопросы, рисовали планы. Да скажи солдатам, что из их жалованья ежемесячно будут вычитать золотой, на постройку новых дорог, ремонт и возведение новых укреплений, они бы с радостью согласились. Что пять золотых, что четыре, тратить все равно не на что. Разве что отсылать домой, если у кого-то были дом и семья. А офицеры готовы были отдавать и все свое жалованье, лишь бы возвели нормальные укрепления и создали все условия для несения службы. Да чего уж греха таить, граф и офицеры неоднократно закупали материалы на починку казарм, в которых квартировались они и их солдаты.

Филипп вздохнул. Это был замкнутый круг. Куда ни крути, все упиралось в деньги. Он со злостью ударил кулаком по столу так, что подпрыгнула пустая посуда, стоявшая на краю бутылка упала на пол, а рука отозвалась болью. Неужели в казне не найдется хотя бы пятидесяти тысяч золотом? Неужели это настолько непомерная сумма? Да украшения королевских фавориток стоят столько же, сколько уходит на содержание его полка, от него самого до старого бродячего пса, прибившегося к ним несколько лет назад, за два года, да еще и останется.

Граф Эстеритен невесело усмехнулся. Кажется, он начинал понимать кухню. Во всяком случае, внутри нарастал протест относительно королевских трат. Вот только высказать его было некому – виновник нынешнего положения в стране уже покоился в своем гробу в дворцовой часовне. А что думает его наследница – одной Созидательнице известно.

Взгляд мужчины упал на лежавшую в углу стола стопку газет. В его отсутствие Пьетро успел принести подшивку за последние две недели. Граф невольно улыбнулся. Не зря еще его отец переманил этого человека у герцога Визенского. Пусть платить ему приходилось прилично, но именно он занимался всем имуществом Эстеритен в то время, когда хозяин находился на границе, пересылал ему основную корреспонденцию и газеты, а также выполнял отдельные распоряжения графа.

Филипп взял верхний лист из пачки, и сразу же с удивлением обнаружил объявление об аукционе, который проводится ее величеством королевой Анной-Викторией. Ниже следовал общий список выставляемого на торги имущества: недвижимость, драгоценности, какие-то материалы. Граф несколько раз внимательно прочитал объявление. Особенно его удивила приписка, что полный список вещей и начальная стоимость будут опубликованы в вечернем «Листке».

Распродажа имущества королевской семьи настораживала. В свете того, что сам он планировал опираться в борьбе за трон на армию, можно было предположить, что этой, так называемой, королеве, было мало дворцовой стражи, и она решила пригласить наемников. Нет, это слишком непохоже на Эми, после непродолжительного размышления решил Филипп. Тем более что наемников можно получить у Астизиры, а, судя по тому, как кузина отчитывала Дельтея, к ним она обращаться не намерена. Тогда зачем ей это? Очередная загадка, ответа на которую у графа не было. Впрочем, ответ на этот вопрос можно будет требовать с кухни уже завтра. Заодно почтить память покойного. По хорошему, следовало уже сегодня навестить в часовню, отдать дань уважения дядюшке, ну да тот от него никуда не убежит, а то, что выглядеть будет хуже, да запах сильнее станет – он военный, и не на такое насмотрелся.

Придя к такому решению, Филипп поднялся и отправился в свою комнату. Пусть время приближалось к пяти часам после полудня, но за последние трое суток он спал едва шесть часов, и теперь организм настойчиво требовал наверстать упущенное. В очередной раз напомним Пьетро, что его светлость не принимает, граф поднялся к себе. Постель уже была застелена свежим бельем, окна, выходящие в сад, распахнуты, и в них неслись шелест листвы и аромат цветущих яблонь. Стянув сапоги, мужчина упал поверх покрывала, несколько минут лежал, глядя в потолок, наслаждаясь тишиной, от которой он успел отвыкнуть, потом заставил себя перекатиться, чтобы отодвинуть одеяло. Встать и раздеться сил уже не было.

За окном начало темнеть, потом комнату озарила вспышка молнии. Вслед за ней раздался раскат грома. Филипп улыбнулся. Гроза. Как давно он не слышал этих звуков. На границе дожди были редкостью. Крестьяне вынуждены были прорывать глубокие колодцы, чтобы обеспечивать водой себя и свои маленькие огородики. Некоторые делали углубления в крышах домов, другие ставили под сточные трубы огромные чаны и бочки, накрывая их сверху крышками, чтобы драгоценная влага не пропадала впустую. Как эти люди умудрялись что-то выращивать, до сих пор оставалось для графа загадкой, хотя он часто бывал в деревеньках и видел, как они живут и работают.

Капли дождя зашуршали по листве. Сначала робко, словно извиняясь за то, что тревожат, потом все сильнее и сильнее. В окно потянуло свежестью, к аромату цветущей яблони примешивались запахи сырой земли, травы и, почему-то, сирени. Откуда здесь может взяться сирень, подумал Филипп, и с этой мыслью уснул.

Дворец. Вечер.

Королева отложила в сторону очередной лист с отчетом и вздохнула. За три дня, которые она провела в общении с министрами, разбирая документы, выслушивая краткие сводки о происходящем в королевстве и за его пределами от многочисленных министерских секретарей и заместителей, в адрес почившего батюшки скопилось много нелестных эпитетов, кото-

рые приличной девушке и знать-то не полагалось. И тем более никто не подозревал в таких познаниях Анну-Викторию. Хотя посещение трущоб обогатило девушку не только в отношении ее лексики. Случись ей сейчас общаться с восставшей армией, она бы несколькими словами заставила их сложить оружие и вернуться в казармы. Разумеется, оправившись от удивления, они бы вскоре вернулись, но время было бы выиграно.

Улыбнувшись столь неподобающим для особы ее пола и положения мыслям, девушка потянулась за очередным всеподданнейшим докладом, когда за дверями кабинета раздался громкий шум, а потом звонкий девичий голос.

– Мне все равно, что вам там было приказано! Я все равно войду!

В следующую секунду двери распахнулись, и в кабинет впорхнула виконтесса Остенферд. А за ее спиной возник виноватый начальник караула.

– Все в порядке, Анри, – махнула рукой юная королева. Двери закрылись.

– Эми, милая, как ты тут? Я пустилась в путь сразу как узнала. Матушка и отец даже не успели ничего понять, – затараторила прибывшая. – Родители остались ждать Жозефа, после чего тоже приедут.

– Камилла, дорогая, – Анна-Виктория поднялась из кресла и девушки обнялись.

– Надеюсь, ваше величество простит мне столь фривольное обращение? – лукаво улыбнулась девушка.

– Более того, я приказываю и впредь обращаться ко мне на ты и звать Эмилией, – рассмеялась королева.

– Вот, такой ты мне больше нравишься, – расплылась в улыбке подруга, после чего развернула девушку к свечам. – Эми, когда ты на себя последний раз в зеркало смотрела? Это же невозможно? Ты что, совсем не отдыхаешь?

– Не до того, Камилла, – вздохнула королева. – Ты даже не представляешь, насколько у отца оказались запущены все дела.

– А он ими занимался? – искренне удивилась виконтесса.

– Кажется, нет, – вздохнула королева, – во всяком случае, последние пять лет. Но сейчас моя первая фрейлина рядом, и я могу переложить на ее плечи ряд забот.

– Все, что скажешь, – кивнула Камилла. – Лично я предпочла бы начать с того гадюшника, который негласно зовется королевским гаремом, а официально – двором.

– Только не сильно усердствуй, – Анна-Виктория, а для близких Эмилия или просто Эми, позвонила в колокольчик. Тут же в кабинете возник один из армии вездесущих слуг. – Найдите Андреаса, и прикажите подать ужин на троих в кабинет.

– Да, ваше величество, – мужчина поклонился и исчез так же тихо, как и возник.

– А не проще ли разогнать всех и разом? – удивилась девушка. – По мне так им место не во дворце, а в борделе.

– Было бы проще, – королева вернулась на свое место, проигнорировав последнее высказывание подруги, а Камилла плюхнулась в пустое кресло перед столом, – если бы я не разогнала все министерство.

– Давно пора, – уверенно произнесла подруга. – Я бы половину и вовсе выслала.

– Слишком опасно, – вернулась к давнему спору Эмилия. – Вастилиана планирует скрепить союз с Астизирой при помощи брака наследников.

Камилла что-то тихо пробубнила себе под нос, и можно было не сомневаться, что это те самые выражения, которые не пристало знать девушкам их возраста и положения. Впрочем, стыдить подругу девушка не стала, поскольку несколько раз подобные слова срывались и у нее, благо рядом никого не было.

– И что ты думаешь делать? – успокоившись, поинтересовалась первая фрейлина.

– Честно, не знаю, – юная королева отложила в сторону все бумаги. – За эти дни я пересмотрела кучу отчетов, докладов, счетов. Денег нет, казна не просто пуста, она успела

покрыться пылью. Деньги в нее даже не попадают, уходя на королевские траты и покрытие части долгов ростовщикам, чтобы те потом выдали новый кредит. Я поручила мастеру Шамилю изучить содержимое нашей сокровищницы, благо там скопилось много ненужного. Кое-что уже и вовсе отправили на переплавку. И ты уже слышала про аукцион?

– Да, – кивнула подруга, – матушка даже думала туда сходить, но отец заявил, что она может с большим успехом потратить деньги на нужды имения.

Анна-Виктория не удержала улыбки. Френсис фон Остенферд славился своей бережливостью. Собственно, их семья и привила эти взгляды принцессе, когда она, еще ребенком, провела у них несколько месяцев. Все свободные средства виконт предпочитал вкладывать в усовершенствование поместья, облегчение труда крестьян, строительство дорог, мельниц, кузниц. Последним нововведением его стала так называемая фактория, где женщины из близлежащих деревень пряли и ткали. Изначально была опасность, что этот проект потерпит крах, но вышло наоборот. Женщины с удовольствием занимались тем же самым трудом в одном месте, прихватывая с собой и детей. Пока одни трудились, несколько молодых крестьянок присматривали за малышами, потом их кто-нибудь сменял и все были довольны. И, насколько знала юная королева, часть доходов от этой фактории предприимчивый виконт планировал потратить на больницу при имении, куда смогли бы обращаться все обитатели его земель и обустройство детской комнаты при этой фактории.

– Все равно твоей матушке делать там нечего, – с трудом сдерживая смех, произнесла правительница. – Вряд ли твой отец одобрит приобретение золотой статуэтки, чья ценность только в материале, затраченном на ее изготовление, или фарфорового сервиза на сорок персон.

– Думаю, он и сам был бы не против избавиться от части подобного добра, – усмехнулась Камилла. – Надо будет подсказать ему идею.

– Сомневаюсь, что у него получится, – раздался за спиной девушки мужской голос, а виконтесса подскочила в кресле. – Одно дело, приобрести сервиз, с которого ел король, а другое дело – виконт.

– Андреас, напугал, – девушка вскочила со своего места и обняла королевского секретаря, только что не повиснув у того не шее. – Ну что, можно тебя поздравлять с продвижением по службе?

– Камилла, право, не стоит... – смутился юноша.

– А скажи ему кто лет так десять назад, что он станет королевским приближенным и вторым человеком в королевстве, ведь никто бы не поверил.

– Госпожа, прошу вас...

– Да ладно, я что, не правду говорю? – девушка вернулась на свое место и посмотрела на подругу. – Ведь так и есть.

– Пока да, – улыбка Эмили слегка поблекла. – Но кто знает, что предпримет Филипп. Уверена, он не станет сидеть, сложа руки.

– Ну, пока до него эти новости дойдут, – махнула рукой виконтесса, краем глаза наблюдая за Андреасом.

– Я сразу же отправила ему весть, так что граф Эстеритен в столице, – сообщила королева. – Сегодня он приходил выразить соболезнования, а, скорее всего, разведать, какая у нас атмосфера. Да еще этот Дельтей вломился в кабинет как раз, когда мы с ним пытались вести беседу.

– Что? – хором вырвалось у обоих.

– Ваше величество, почему вы мне не сказали? – упрекнул ее секретарь. – Ведь я был у вас сегодня.

– Прости, Андреас, – девушка виновато развела руками, – столько всего надо сделать. К тому же я думала, что ты уже знаешь. Такой цирк был. Странно, что по углам еще не сплетничают, ведь двери были открыты, а стража и слуги все слышали.

– Нет, Эми, ты не исправима, – тихо произнесла Камилла, услышавшая главное для себя – Филипп в столице. – Я понимаю, любовь и все такое, но вызывать в столицу своего соперника – это перебор.

– Если бы я его не вызвала, он вполне мог явиться сам, причем во главе армии, – устало произнесла Анна-Виктория, – и тогда неизвестно, сколько бы продлилось мое правление. Сейчас он здесь, а мои люди на границе. Если там будет замечено движение, я получу вести уже через несколько часов.

– Возможно, вы и правы, – Андреас опустил в свободное кресло.

Юноша хотел сказать что-то еще, но в этот момент раздался стук в дверь, после чего появился слуга с ужином, быстро накрыл небольшой столик и также неслышно исчез.

– Предлагаю забыть о Филиппе, – поднялась со своего места королева, и остальные последовали за ней, – и о прочих проблемах. Ну, заодно и о моем новом положении, – хитро подмигнула она, – и отметить то, что мы снова собрались втроем.

– У меня такое ощущение, что после этого ужина мы втроем снова отправимся рвать яблоки в саду герцогини Ириостор, – Камилла с улыбкой плюхнулась в кресло напротив подруги. – Андреас, а ты что, так и будешь столбом стоять?

– Не думаю, что мне дозволено, – замялся юноша.

– О, Созидательница, – Анна-Виктория вздохнула и картинно закатила глаза к потолку. – И что мне с ним делать? Стукнуть что ли?

– Эми, придется тебе пожаловать ему какой-нибудь титул, – рассмеялась Камилла.

– Какой-нибудь, – девушка сделала вид, что задумалась, потом перевела взгляд на подругу, – как думаешь, виконта Френсиса устроит, если в будущем его дочь станет баронессой.

– Думаю, его бы устроило, даже если бы я потеряла титул, лишь бы была счастлива, – задумчиво начала девушка, – а вот матушка будет в восторге.

– Значит, решено, – довольно захлопала в ладоши юная королева, – Андреас, после ужина подпишу указ о присвоении тебе титула барона. И тысячу акров земель на юге. Уж извини, из тех, что не заселены и не обрабатываются. В общем, какие-нибудь заросли не сильно далеко от дорог. Ну да ты потом сам разберешься, что к чему.

– Ваше величество, – юноша пораженно смотрел на свою повелительницу. – Допустимо ли это? Я обычный мальчишка из трущоб. Да и внешностью примечательной не отличаюсь. Возможно ли...

– Возможно, – девушка энергично кивнула, подтверждая свои слова. – Во-первых, мой батюшка транжирил средства на своих любовниц, не буду уточнять за что, раздавал имения и должности направо и налево, прежде всего супругам-рогоносцам. Неужели я не могу сделать добро другу за его верность и преданность? Кроме того, я уверена, ты еще не один раз подтвердишь правильность этого решения.

– Благодарю вас, ваше величество, – Андреас склонился в поклоне, не замечая, как поморщилась королева.

– Кроме того, – дождавшись, когда он выпрямится, строго произнесла Эмилия, – приказываю вам, барон де Мичелли, когда мы с вами остаемся наедине, или в схожей приватной обстановке, обращаться ко мне исключительно на ты и по имени, словно я так и осталась той девочкой, которая когда-то удрала от няньки и заблудилась в городе.

– Хорошо, Эми, – улыбнулся новоиспеченный барон, опускаясь в кресле.

– В таком случае предлагаю выпить за нашего барона, – расплылась в улыбке Камилла. – Андреас, наполни бокалы девушек, пожалуйста.

– Моя дорогая виконтесса, а родители уже разрешают вам пить вино? – попытался подшутить над подругой королевский секретарь.

– Эми, можно я его чем-нибудь стукну? – девушка закатила глаза к потолку.

– И превратишь меня в горбатого дурака? – юноша вооружился бутылкой и принялся разливать вино дамам.

– Да где ты там этот горб видел? – фыркнула Камилла. – Чего только мужчины не наговорят, лишь бы не жениться

– Теперь не чем отговариваться, – рассмеялась над друзьями Эмилия. Она уже давно заметила, что эти двое испытывали друг к другу симпатию, явно выходящую за рамки дружеской. Раньше отсутствие у ее друга титулов и земель ставило преграду, если не непреодолимую, то брак этот все равно осуждался бы обществом. Теперь же все вопросы были решены. И, если у нее будет немного времени, она еще устроит их свадьбу. И, кто знает, может получится уговорить Филиппа оставить юношу при дворе. Все-таки он разбирается в делах королевства, во всяком случае, лучше графа, сидевшего на границе. Ну и друга уговорит оставаться на этой должности пока не появится кто-то знающий на его место.

Андреасу было немного неловко. С одной стороны, конечно, приятно, что его подруга сделала столь щедрое пожалование. При этом юноша понимал, что на самом деле все шикарно выглядит только на бумаге. При нынешнем жаловании новоиспеченного барона тысяча акров земли только звучит хорошо. На деле же с его жалованьем в сто пятьдесят золотых в год можно разве что самому взять в руки лопату и начать вскапывать грядки, а ночами рубить деревья, чтобы выстроить хоть какую-то хибару, поскольку все средства быстро уйдут на постройку хоть какой-то дороги от тракта до имения. Нет, со временем все может оказаться не столь грустно. Вот только будет ли у них это время? Про брак с Камиллой, на который все намекали уже давно, и говорить нет смысла. Пусть он теперь дворянин и землевладелец, но на что им жить? А существовать за счет средств тестя юноше не позволяла гордость. Значит, им или придется подождать до лучших времен, когда его королева будет уверенно править страной, и будут решены все вопросы в экономике, или он попросту расстанется с пожалованиями, а то и вовсе с головой, если на трон взойдет Филипп.

Казалось, лучше всех ощущала себя Камилла. После смерти короля Шарля-Антуана она автоматически стала первой фрейлиной при дворе королевы Анны-Виктории, поскольку предыдущая первая фрейлина покинула дворец с нервным срывом. Шутка ли – в самый интересный момент король вдруг замирает, а потом с хрипами обрушивается на нее и умирает. Пусть подруга просила не разгонять бывших фавориток ее отца в первый же день, она больше не даст им спуска. То, что они все это время оставались при дворе – акт величайшей милости предыдущего правителя, натешившегося девушками вволю. Хотя, сама девушка назвала бы это актом величайшей распущенности.

Собственно с этим явлением Камилла и думала бороться. Нет, сама она не воспитывалась при монастыре и прекрасно была осведомлена обо всем, что касалось явления, которое во дворце называли куртуазностью, и что на самом деле являлось развратом, но не торопилась пополнить ряды его слуг. А раз королева и первая фрейлина блюдут свою нравственность, то и остальные должны следовать их примеру. Если кого-то что-то не устраивает, то пусть отправляются в свои поместья под крылышко мужа или родителей, если мужем не обзавелись. Пару особо веселых вдовушек и вовсе можно будет выдать замуж. Камилла даже примерно представляла за кого. В миг про веселье забудут. А вот самой ей придется подождать, пока Андреас соизволит официально просить ее руки. Девушка прекрасно знала, что их с Эми друг слишком горд, чтобы жить за счет родственников. Значит, надо набраться терпения, упрочить положение своей подруги, а потом о собственном счастье думать.

А жаль, что все сложилось именно так. Виконтесса с трудом сдерживала негодование. Ну почему этот Филипп прибыл в столицу? Неужели не мог задержаться на границе еще. Ну что

стоило этим варварам с севера Вастилианы снова устроить набеги, как они делали в прошлом году. Нет, как раз сейчас там снова тишь да гладь. Нет, набеги, конечно, не прекратились, но в прошлом году они только чудом не вылились в военные действия. Словно заговоренный этот граф. Несколько раз за это время был ранен, один раз довольно тяжело, судя по тому, что ей рассказывал брат, но каждый раз вновь возвращался в строй. А теперь с ним вообще не сделать ничего. И ведь выискался претендент на трон. Всего-то прапрадедушка Эми был братом прапрабабушки Филиппа. И то потом то ли прабабка, то ли бабка вышла за графа Эстеритен. Не могла себе найти жениха среди герцогов. Камилла только чудом не фыркнула от своих мыслей. Как бы то ни было, за подругу обидно. Хотя... Мелькнувшую мысль девушка отогнала прежде, чем она успела оформиться во что-то более четкое, и даже головой мотнула. Нет, они будут бороться. Их трое, а еще есть ее родители, брат, нянька Эми, Гильермо и его ребята. Неужели они так просто дадут какому-то там графу сожрать их. Да никогда!

Юная королева просто наслаждалась обществом друзей. На столе ждали своего часа стопки бумаг, только девушка понимала, что сейчас она почти ничего не может сделать. От того, прочитает она их за три дня или за две недели, положение в королевстве не улучшится. Для этого надо ломать всю систему. Сейчас все, что она может – провести аукцион, осуществить ряд мероприятий по привлечению денег в казну и ждать. По предварительным подсчетам вырученных средств должно хватить на выплату жалованья армии, чиновникам и покрытие небольшой части долгов. А дальше все будет зависеть от того, будет ли доход от ее планов, и насколько исправно в казну станут поступать налоги, которые со временем надо будет уменьшить, чтобы не висели на народе бременем. Для себя Анна-Виктория определила годовой строк траура, что позволит существенно сократить личные расходы. Больше всего девушке хотелось отменить систему откупов, но это вызовет недовольство среди тех, кто занимался сбором налогов. Значит, прежде чем приступать к столь резким переменам, надо договориться с армией, то есть с Филиппом.

Договориться. А что если... Девушка быстро встала и подбежала к рабочему столу, чудом не опрокинув на платье тарелку. Быстро сделав пару записей, понятных только ей одной, она, под удивленными взглядами друзей, вернулась на свое место.

– Я предлагаю тост, – взяв бокал, произнесла юная королева. – Зато, чтобы наши с вами мечты сбылись.

– Хороший тост, – Камилла отсалютовала своим бокалом, стрельнув глазами в сторону юноши.

Андреас только улыбнулся своей по-мальчишески открытой улыбкой. Кабинет наполнил звон бокалов.

Дальнейший вечер продолжался в веселой обстановке. Друзья строили планы на будущее, соревновались в изобретении наиболее полезных реформ. В какой-то момент Камилла и вовсе начала фантазировать, за кого будет выгоднее выдать впоследствии Эмилию, ведь стране нужен наследник, а принц-консорт должен быть тем мужчиной, который не будет лезть в дела государства, довольствуясь ролью полководца. Андреас только смеялся над идеями девушки, а Анна-Виктория и вовсе пригрозила назначить ее главнокомандующим, поскольку такой боевой первой фрейлины дворец не выдержит. Правда девушка тут же фыркнула и предложила на эту роль хоть своего брата, хоть того же Гильермо, а ей самой на мужчин в форме смотреть не интересно, хватает и брата, и вообще у нее неправильные вкусы.

– Мне бы пару лет продержаться, – рассмеялась королева, – а там я за вашу парочку всерьез примусь. А то удумали жениха мне искать. Вот пожению, и будете заниматься домом, детьми...

– В крайнем случае, Эми всегда может женить Филиппа и объявить его детей своими наследниками, – осторожно предложил Андреас.

– Женить Филиппа? – призадумалась Эмилия. – Знаете, а мне нравится эта идея. Можно будет спокойно заниматься делами королевства, не отвлекаясь на нянек, гувернанток и прочие хозяйственные вопросы.

Шум за дверью возвестил о смене стражи. В комнату неслышно скользнул лакей заменить почти догоревшие свечи свежими, и только тогда друзья заметили, что уже поздно.

– Думаю, мне пора на покой, – Камилла поболтала в бокале остатки вина, решая, допить или оставить. С одной стороны для нее было многовато, с другой – вкусно, а матери рядом нет. Решившись, она сделала последний глоток. – Андреас, ты ведь проводишь меня до комнаты.

– Только до, – уточнил юноша. – Мне еще нашу Эми надо будет выгнать из кабинета.

– Нет, на сегодня я с делами закончила, – девушка чувствовала, что голова немного кружится, правда, не столько от выпитого, сколько от эйфории, охватившей ее в результате дружеской беседы. – Сейчас пару идей запишу, чтобы завтра не забыть, и тоже пойду к себе, пока Росита не пришла. Все-таки она права. Послезавтра похороны отца. Надо показать народу, что у него сильная наследница. А то решат, что я лью слезы и молюсь над его телом. Ведь не докажешь, что я эти дни провела разбирая скопившиеся ворохи бумаги и решая, где взять деньги и какие дыры спешно затыкать.

– Хвала Созидательнице! – воскликнул секретарь. – Наконец-то ты поняла это. Эми, мы не против, что ты занята делами, мы только хотим, чтобы на похоронах народ видел в меру скорбящую дочь, а на коронации и вовсе молодую и красивую девушку полную сил, а не бледного заморыша с черными кругами вокруг глаз, зевающую на каждом шагу.

– Убедили, – Анна-Виктория махнула на них руками, улыбаясь от нарисованной секретарем картины. – Идите. Я скоро.

– Я зайду и проверю, – уже на пороге пригрозил ей юноша. – Пабло, – обратился он к стражнику, – предупреждаю, я еще вернусь. И если ее величество еще будет в кабинете, клянусь, если понадобится, то силой уведу ее отсюда, а то и вовсе унесу на плече, аки варвар.

Стражники кивнули, пробурчав что-то вроде «давно пора», после чего вновь приобрели вид статуй. Юная королева с улыбкой посмотрела на закрытую дверь. Приятно, что о ней беспокоятся. Вот только дел оказалось куда больше, чем она изначально предполагала. Сделав несколько записей, девушка покинула кабинет, распорядившись в ее отсутствие никого, кроме барона де Мичелли, не пускать. Объяснив удивленной страже, что это ее личный секретарь, Анна-Виктория в сопровождении лакея, несущего свечи, проследовала в свои комнаты.

Когда Андреас вернулся, то один из стражников отворил дверь. Юноша вошел в пустой кабинет, быстро посмотрел на последние записи его королевы, задул свечи и вышел. Идеи, пришедшие их правительнице в голову, стояли того, чтобы основательно их обдумать и решить, что из этого осуществимо на сегодняшний день.

Глава 3

Несмотря на то, что утро началось для графа Эстеритен достаточно рано, куда раньше, чем он смел рассчитывать накануне, дворецкий вместе со свежим «Столичным листком» принес ему несколько карточек. Филипп кивком головы отпустил его и принялся изучать посетителей. Впрочем, ничего необычного не было. Игнасио Дельтей – граф лишь поморщился, ведь говорил ему, что примет решение через три дня. Раз человек не слышит самого банального, с ним точно нет смысла иметь дела. Баронесса фон Риспаньи – ничего странного, Мариетт всегда была ранней пташкой. Скорее всего в этот раз лично прогуливалась с дочерью. Хотя, зная баронессу, она и одна могла зайти, по-дружески, разбудить ласковым поцелуем. Элизабет фон Локридж с Оливией де Стайн – на лице Филиппа расцвела улыбка. Эти кузины давно открыли охоту на него. Пока ему удавалось успешно избегать сетей как одной, так и второй. Но девушки не сдавались и, едва узнали о его возвращении в столицу, тут же поспешили напомнить о себе. Иветт Хасин. Граф нахмурился. Этого имени он не мог припомнить. Судя по тому, что карточка была оформлена строго, без обычных для девушек розочек, голубков или котят, женщина не входила в число жаждущих заполучить его в мужья. Отправив оставшиеся карточки в ящик, и оставив последнюю, мужчина приступил к изучению «Листка».

Несколько минут граф просматривал список предметов, выставляемых на торги и цены. То ли принцесса решила нанять новую армию, то ли дела в казне совсем плохи, то ли стоит ждать новых сюрпризов. Филипп мысленно подсчитал, что вырученная сумма должна достигать, по крайней мере, полумиллиона золотом. Чуть ли не годовое жалованье всей армии королевства, да еще и чиновникам перепадет. А это аукцион, так что конечная сумма будет много выше.

– Что же вы задумали, ваше пока еще величество, – задумчиво пробормотал Филипп. – Что все это может значить?

Отложив листок, он оделся и покинул комнату. Не дожидаясь, пока накроют стол, прошел в кухню, чем вызвал шок у прислуги. Впрочем, графу было не до того. А в гарнизоне опоздавшие к завтраку, не важно, по какой причине, трапезничали на кухне. Распорядившись оседлать его коня, он поел и покинул дом. Уже в дверях его успел поймать Пьетро. Дворецкого интересовало, когда мастер Эстеритен сможет уделить время для решения нескольких вопросов. Филипп вздохнул. Пусть Пьетро вел все дела его поместья, все равно изредка возникали такие вот проблемы, решить которые мог исключительно хозяин. Что ж, придется потратить вечер на дела насущные. После этого Филипп покинул особняк и отправился во дворец.

На этот раз граф не спешил. Он медленно ехал по улицам, вспоминая, как выглядела столица три года назад, и что изменилось за это время. К сожалению, изменения были не в лучшую сторону. На некогда чистых улицах то тут, то там глаз натыкался на мусор: упаковка от сладости, оброненный платок, пучок травы, улетевший с газона, сломанная ветка, цветы. Некоторые лавки закрылись, а те, что продолжали работать, больше не радовали глаз яркими вывесками, не привлекали людей зазывалами, да и выставленные в витрине товары больше поражали возможных клиентов ассортиментом. Женщины одевались скромно, а если кто-то позволял себе богатое платье, то можно было с уверенностью сказать, что его купили в прошлом сезоне, а то и раньше. Мужчины все больше ходили пешком, в то время как раньше даже зажиточные горожане предпочитали передвигаться верхом. Да и экипажей стало куда меньше. Разумеется, все это не касалось знати, продолжавшей развлекаться в своих поместьях. Им было безразлично положение остального населения, имело значение только собственное.

До этого Филипп еще сомневался в рассказах переселенцев, считая, что они преувеличены, но теперь своими глазами видел, насколько изменился город. А ведь это столица. Что

же говорить о провинциальных городках? Мужчина с трудом сдерживал ругательства в адрес покойного монарха.

Вот женщина тянула чумазого ребенка. На первый взгляд казалось, что это жена ремесленника, но женщина вошла в один из домов по главной улице, и Филиппу припомнилось ее лицо – они некогда встречались на нескольких приемах у губернатора. Женщина, кажется, жена купца или зажиточного горожанина, или из мелкопоместной аристократии, которая вынуждена была перебраться в столицу и устроиться на работу в министерства и управления. Но вот в конце улицы появилось здание дворца. Стража все также равнодушно проследила за мужчиной взглядом, более ничем не выдав, что заметили очередного посетителя.

На этот раз граф Эстеритен не стал заниматься позерством. Отдав коня первому подошедшему слуге, он осведомился, у себя ли принцесса. Услышав отрицательный ответ, бодрым шагом проследовал к часовне, полагая, что в это время кухню можно будет встретить у тела отца. Хотелось высказать все, что успело накопиться за прошедшие сутки. Пусть сама девушка не виновата в том, что ее отец довел страну до такого состояния, но сейчас Филипп видел в ней лишь еще одного представителя династии Косталина. И все потому, что в те далекие времена, когда появилась на свет его прапрабабка, женщина не могла наследовать трон. Так бы вместо этой девчонки в конце следующей недели короновали его!

Обуреваемый такими эмоциями, мужчина не заметил, как оказался перед входом в дворцовую часовню. Тяжелые деревянные двери, окованные полосами металла, были настежь распахнуты. Филипп остановился перед входом, пытаясь рассмотреть, что внутри, но безуспешно. Свет из витражных окон, находящихся почти под самой крышей, едва рассеивал темноту. Отчетливо был виден лишь гроб на возвышении и тот, кто лежал в нем, все остальное скрывал сумрак.

Граф приложил ладонь к сердцу и низко поклонился изображению Созидательницы, после чего переступил порог. Медленно он приблизился к траурному помосту, осторожно посматривая по сторонам, но не обнаружил никого. Подойдя к покойному, он несколько долгих минут смотрел на него, безмолвно шевеля губами, потом резко развернулся и, чеканя шаг, словно на параде, вышел.

Войдя во дворец со стороны парка, Филипп медленно пошел к кабинету, в котором его принимала Эми. Дворец словно вымер. Даже вездесущих лакеев не было видно. Графу вспомнились разоренные поселения после набегов варваров. Только там заранее было известно, что предстанет перед глазами, а здесь... Мужчина чувствовал себя неуютно в огромном здании. Словно все покинули его и разошлись кто куда, оставив центр веселья и беззаботности на произвол судьбы.

Впрочем, вскоре это ощущение стало развеиваться. Чем ближе граф Эстеритен приближался к крылу, где располагались министерства, тем чаще стали встречаться люди. Сначала по одному, по двое, дальше – группки. Наконец, в одном зале он увидел сразу около двух десятков человек, что-то отчаянно обсуждавших. Одни вскидывали руки к потолку, словно призывали в свидетели Созидательницу, другие посмеивались, третьи угрюмо молчали, лишь изредка вставляя в разговор слово-другое.

– Нет, я не верю, – донесся до Филиппа голос тучного мужчины в возрасте, – вот покажите мне того, кхм, идиота, который согласится на такое. Да за такие гроши я лучше буду сидеть дома, чем отправлюсь в эту глушь. Неизвестно, чем там будут кормить этих работяг, а работать придется до кровавых мозолей и сорванной спины. Нет, нет и еще раз нет, я уверен, что она не найдет добровольцев.

– Мастер Монк, уверяю, что вы глубоко заблуждаетесь, – звонкий голос молодого писца заполнил весь холл. – Уверяю вас, что многие мужчины с радостью примут данное предложение, ведь оно не только даст им работу, но и позволит содержать семьи. Для многих три медных

марки в день значат куда больше, чем для нас золотой в месяц. А, поскольку кормить их будут за счет казны, то они смогут отправлять эти деньги своим семьям.

– Вы идеалист, Амин, – хмыкнул его оппонент. – Подумайте сами, три медных марки в день, это даже меньше одного серебряного в месяц. А чтобы заработать золотой им придется работать, не разгибая спины, целый год, а то и больше. Да в городе можно найти куда более оплачиваемую работу.

– Значит, вы слишком давно не выходили в город, милорд, – пожал плечами Амин. – Иначе вы бы давно знали, что лавки закрываются, а те, что еще работают, давно снизили ассортимент. Торговцы везут товары только под заказ и с предварительной оплатой в три четверти назначенной ими цены. В трактирах больше не наливают в долг. Да даже бордели начали закрываться, поскольку мужчины предпочитают проводить ночи в объятьях жен – дешевле выходит.

Остальные закивали и загудели, поддерживая слова молодого писца. Мастер Монк попятился и так быстро, как позволяла его тучная комплекция, покинул своих коллег. Люди лишь расступились, давая ему пройти, после чего приступили к более спокойному обсуждению выдвинутого королевой прожекта.

Филипп взглядом проводил тучного мужчину в потрепанном, засаленном на рукавах камзоле, непонятного вида штанах и туфлях с огромной позолоченной пряжкой. Один из тех представителей среднего и мелкого чиновничества, что жил в комнатах при министерстве и столовался здесь же, стараясь урвать как можно больше от казны. Кому потом пойдет скопленное состояние – неизвестно, но и с собой еще никому не удалось забрать золото и драгоценности. Эстеритен передернул плечами. Их бы на границу, хотя бы на неделю, и в первые ряды, чтобы избавить общество от паразитов.

– Прошу простить, – приблизился к их группе граф. – Я случайно услышал вашу беседу, но не совсем понимаю, о чем идет речь.

– Прошу простить, ваша светлость, – низко склонился один из мужчин постарше, а остальные тут же последовали его примеру. – Мы обсуждали предложение ее величества Анны-Виктории по поводу общественных работ. Если после уплаты жалования армии и чиновникам останутся средства, она планирует начать прокладку новой дороги на юг, чтобы впоследствии было проще организовать строительство укреплений на границе.

– Понятно, – Филипп постарался не выдать своего удивления. – Что ж, надеюсь, ей это удастся.

Бросив эту фразу, граф поспешил удалиться. Что ни говори, кузина удивила его. Возможно, следовало немного подождать, понаблюдать, что еще она предпримет. Хотя, если так пойдет и дальше, у него не останется ни единого шанса получить власть. В какой-то момент армия перейдет на ее сторону, видя радение правительницы обо всех подданных, а не только о собственном благе. Значит, надо начинать действовать как можно быстрее.

Утром, немного ранее.

Анна-Виктория пробежала взглядом текст указа. Все было правильно: формулировки, титул, расположение земель. Девушка надеялась, что передает своему другу не заселенные территории. Впрочем, если бежавшие от произвола откупщиков крестьяне уже успели поселиться там, Андреас найдет с ними общий язык. В этом юная королева не сомневалась. Слишком хорошо она успела узнать своего секретаря. Юноша не будет использовать новое положение против людей некогда одного с ним происхождения.

Подписав указ и поставив печать, девушка откинулась на спинку кресла. В голову пришла неожиданная, но, вместе с тем, интересная идея. Почему бы ей не начать раздавать земли. Только, в отличие от отца, она бы распорядилась ими совсем по-другому. Прежде всего, жаловались бы земли в южных провинциях. Корона сохранила бы за собой право собирать налоги

с крестьян, населявших эти территории. А новым владельцам вменялось бы строительство дорог, мельниц, укреплений. По сути это была бы своего рода аренда на определенных условиях. Вот только где найти таких людей, которые бы согласились на подобное. Большинство землевладельцев стремилось выжать максимум из и без того обремененных налогами людей, не тратя и медной марки на улучшения. Такие люди, как виконт Остенферд, были скорее исключением. Королева уже подумывала ввести налог на аристократию, и останавливало ее только то, что он ляжет очередным бременем на простых крестьян, а не на хозяев земель.

А найти таких людей, которые бы были заинтересованы в развитии своих хозяйств по нынешним временам невозможно. Вся военная элита поддерживала кузена. Значит, подобное пожалованье будет расценено военными как попытки подкупа, и неизвестно, чем все закончится. Кажется, брат Камиллы, Анри-Жозеф, был единственным исключением, и то потому, что лично был знаком с тогда еще принцессой, и совершал с подругами налет на соседские сады, добыча из которых делилась с детьми в деревне. А если обратиться к прогрессивной молодежи, которая и сама видела необходимость в подобных преобразованиях, то Анна-Виктория не могла бы назвать даже одного человека, который бы мог сразу приступить к осуществлению глобальных строек. Скорее, помощь потребовалась бы им самим, как Андреасу.

Выбора нет, придется пойти иным путем. А что, если?.. Девушка на мгновение задумалась, потом взяла чистый лист бумаги, обмакнула перо в чернильницу и принялась быстро писать.

– Ваше величество, – внезапно услышала она голос секретаря, – вы совсем забыли? Сегодня вы планировали присутствовать на заседании кабинета министров.

– Доброе утро, Андреас, – поприветствовала она юношу. – Точнее, барон де Мичелли. Вот указ о пожаловании вам потомственного дворянства, титула и земель.

– Эми, – покосившись на плотно закрытую дверь, произнес юноша, – все это могло подождать. Сейчас есть более важные дела.

– Это не заняло много времени, – парировала юная королева. – Забирай бумагу, потом напишешь куда потребно.

– Разумеется, – он пожал плечами. Горящие глаза девушки беспокоили его куда больше, чем какие-то указы, пусть и собственном баронстве. – Что-то еще?

– Пожалуй, все, – Анна-Виктория убрала свои записи в папку с вензелем дома Косталина. – Идем. Сегодня я начну ворошить этот гадюшник.

Андреас хотел, было, что-то сказать, но в итоге махнул рукой и последовал за своей королевой. То, что их министерства претерпели некоторые перестановки, еще не значило, что на этом все остановится. А Эмилия явно задумала нечто такое, что заставит их задержаться.

Пока королева ставила подписи на протоколе и новом указе, ее секретарь обзрел лица тех, кто не успел под шумок улизнуть из зала и теперь вынужден был дожидаться официального ухода правительницы. Если бы его попросили охарактеризовать состояние людей одним словом, он бы не смог справиться с этой задачей. Слишком по-разному реагировали на последние новости люди.

Основная масса активно обсуждала проект дорожных работ, предложенных Анной-Викторией. Было видно, что чиновники всех рангов успели прикинуть, сколько золота потребуется на осуществление этого проекта. Маститые канцеляристы смотрели на грядущие мероприятия с пренебрежением и каким-то превосходством. Их теплые места остались за ними, никого на стройки не посылают, значит, беспокоится не о чем. Все, что волновало этих людей – стабильность и неизменность. А раз все остается как есть, значит все замечательно.

Молодые, не так давно пришедшие на работу, люди успели заметить больше. Возможно, они просто не успели проникнуться застойными веяниями места, а может, молодость требо-

вала чего-то большего, что будет заметно не только двум-трем коллегам по столу, а всем людям. Они с куда большим энтузиазмом восприняли этот проект.

Занявшие должности министров выглядели озабоченными. Эти люди успели уловить не только идеи благоустройства королевства, но и куда более важные факты. Например, что с этого дня на чиновников будет отпускаться строго зафиксированная сумма. Кроме того, сокращались расходы на некоторые непроизводительные нужды: форма, обеды, расходы на коней или экипажи. Пусть прозвучало оно не столь четко, и когда внимание людей было немного отвлечено, но те, кто слушал – услышали. А таковых были единицы. И теперь они думали, как быть. С одной стороны, на каждое министерство в месяц будет выделяться от пяти сотен до тысячи золотых, в зависимости от количества служащих, с другой, отчитываться за них придется вплоть до последней медной марки. А в том, что королева или сама будет просматривать отчеты, или поручит секретарю, или найдет, кому еще можно доверить эту работу, можно не сомневаться. И отвечать за растраты тоже придется из своего кармана, хорошо, если без штрафов.

Андреас понимал, что королева сегодня приобрела как новых друзей, так и новых врагов. Вопрос был в том, кого будет больше. На чьей стороне окажется перевес. Самых рьяных противников всегда можно выставить за дверь, но одно дело, если им окажутся чиновники средней руки и выше, взяточники, казнокрады, симпатии у населения к которым не слишком велики. Если же это окажутся мелкие сошки: писцы, мальчишки на побегушках, уборщицы – волна негодования может вылиться за пределы дворца.

Юноша внимательно следил за своей правительницей. Сколько еще ей придется принять подобных решений? Первое, не самое разумное, но принятое и понятое окружением – королева переселяется в летнюю резиденцию. Во дворце долго шептались по этому поводу, но в итоге пришли к выводу, что у нее нет иного выбора. При этом девушка намекнула, что почти никто не покинет свои места, вот только обязанности их несколько изменятся и, к сожалению, сократится жалованье. Первое людей не испугало, с последним, глядя на то, что и сама Анна-Виктория весьма скромно расходует положенные ей средства, легко смирились. Раз уж королева экономит на всем чем только можно, то и им следует брать с нее пример.

Хотелось бы знать, что такого придумала королева. Мастер Шамиль прочно обосновался в одной из гостевых комнат дворца, что-то внимательно изучая, перепроверяя по многочисленным справочникам, которые, по распоряжению Анны-Виктории, доставили из его дома. На все вопросы антиквар лишь загадочно улыбался и отвечал, что не вправе озвучивать это прежде ее величества. Сама же королева не торопилась развеивать ореол таинственности, заявляя, что обо всем объявит через день после коронации, когда водворится в летнюю резиденцию. В результате всем обитателям дворца оставалось только гадать, что еще придумала юная монархиня.

– Нет, – между тем услышал юноша голос королевы. – Это решение в ближайшие месяцы не подлежит пересмотру, – юноша развернулся и увидел министра внешних сношений, пытавшегося что-то еще сказать. – И радуйтесь, что я не распорядилась осуществлять закупки чернил и бумаги за свое жалованье. Хотя, можно было бы попробовать, например с чернилами. Думаю, это заставило бы ваших служащих перестать заниматься сочинительством на рабочем месте.

Министр что-то промямлил и отошел. Заметив взгляд секретаря, Анна-Виктория сделала ему знак следовать за собой и покинула зал заседаний, оставив мужчин тихо обсуждать последние распоряжения.

– Я поражаюсь вашей смелости, ваше величество, – тихо произнес юноша, пока они шли по коридорам.

– Знаешь, – королева повернула голову и посмотрела ему в глаза, – я сама поражаюсь тому, что делаю. Но у меня нет выбора. Если бы в казне было хоть что-то, хотя бы сотня тысяч

золотых, можно было действовать осторожнее. Но там пусто, Филипп в столице, и, я уверена, не собирается возвращаться на границу в ближайшие месяцы, так что хуже уже не будет.

– Вы так думаете?

– Я думаю, какой монастырь будет предпочтительнее: Силиторийский или Амбисторский. Оба достаточно далеко от Дельменгорста, а их уставы однозначно говорят, что назад дороги не будет.

– Но вы же не собираетесь туда на самом деле, – ужаснулся Андреас.

– Пока нет, но всегда нужно иметь пути отступления, – усмехнулась девушка. – Жить-то хочется. Так что лучше монастырь на краю обжитого мира, чем пышные похороны. И не смотри на меня так, жизнь и не до такого доведет.

– Даже не буду спорить, – склонил голову юноша. – Дай то Созидательница, нам не придется об этом думать.

– Что ж, – неожиданно улыбнулась девушка. – В настоящий момент я сделала все, что могла. Так что до завтрашнего дня у нас по плану отдых. Предлагаю навестить Камиллу и узнать, как проходит дрессировка фрейлин.

Секретарь ничего не ответил, только его улыбка красноречиво говорила о согласии с таким предложением.

Чем ближе они подходили к помещениям, отведенным королеве, а значит и фрейлинам, тем медленнее шла девушка, изредка останавливаясь перед дверями и прислушиваясь. В какой-то момент юноша не выдержал. Подойдя к одному из лакеев, спешившему куда-то навстречу, он тихо поинтересовался, где сейчас первая дама двора.

– Ох, мастер Мичелли, – вздохнул мужчина, не замечая отступившую в тень королеву. – Вы бы видели, что там творится. Это не женщина, это катастрофа. Если бы проповедники увидели ее, то решили бы, что начался конец света. Если вы не боитесь, то дамы сейчас в лазурном зале.

Лакей поклонился и поспешил далее по своим делам. Анна-Виктория улыбнулась, и Андреас понял, что девушка замышляет проказу, одну из тех, за которые ей в свое время доставалось от няньки. Только разница заключалась в том, что теперь некому наказывать королеву. Напротив, сама королева сможет получить выгоду из того, что придумала.

Они тихо подошли к лазурному залу, и девушка сделала знак страже, чтобы те не выдали их появления. Мужчины лишь моргнули, подтверждая, что поняли просьбу. Тихонько королева и ее секретарь подошли к приоткрытым дверям и прислушались.

– Дамы, еще раз повторяю, – услышали они громкий голос Камиллы, – в столице объявлен траур по нашему королю, да пошлет ему Создательница ласковые сны. И что я могу наблюдать? – последовала небольшая пауза. – А могу наблюдать я полное непотребство и неуважение к традициям, которые складывались веками. Да ваши матушки ужаснулись бы от вашего поведения! Мне придется донести до сведения ее величества все, что тут было. Более того, все эти вещи будут переданы королеве, и она распорядится их дальнейшей судьбой.

Послышались стоны, кто-то всхлипнул.

– Не слишком ли много вы на себя берете, виконтесса – судя по голосу, это была баронесса ла Фитцер.

– Дорогая моя миледи Орния, – подтвердила их догадки Камилла, – в настоящий момент забываетесь именно вы, поскольку вам сделано замечание не от простой виконтессы, но от первой фрейлины. И вы обязаны с этим считаться. Не забывайте, что мы живем в трудное время, и все может измениться в любой момент!

– Кажется, стоит вмешаться, – тихо прошептал юноша на ухо подруге, – пока никто из этих дам не успел подсунуть свою очаровательную шейку под топор палача.

– Да вы ценитель женской красоты, Андреас, – громко произнесла Анна-Виктория, толкая одну из створок.

Шелест платьев пронесся по залу, свидетельствуя о том, что дамы склонились в глубоком реверансе. Юная королева мысленно усмехнулась. Еще три года назад подобной почтительности не было и в помине. Ровно до того момента, пока ее имя не прозвучало при объявлении преемника. Сейчас же глубина поклона свидетельствовала еще и о количестве жалоб на виконтессу де Остенферд.

– Что здесь происходит? – ровным тоном, словно ничего не слышала, произнесла девушка. – Почему слуги бегут отсюда, будто где-то больной чумой? И что это за вещи? – небрежно кивнула она в сторону кучки вееров, брошек, кулонов и, как ни странно, даже пары шляпок.

– Ваше величество, это наши аксессуары, которые виконтесса заставила нас снять, – выступила вперед герцогиня де Аксен, женщина сорока лет, одна из бывших любовниц покойного короля. Поговаривали, что титулом ее муж был обязан именно этому факту, а не снабжению армии во время маневров.

– Виконтесса? – Анна-Виктория повернулась в девушке и едва улыбнулась, но той не требовалось иных сигналов.

– Ваше величество, – Камилла вновь присела в реверансе, – поскольку в стране траур, я сочла недопустимым, чтобы ваши фрейлины расхаживали со столь неподобающими ситуациями предметами. Еще не опустили в землю тело нашего покойного монарха, а они нарушают вековые традиции, даже не думая, что об этом скажут остальные. Поэтому я взяла на себя смелость изъять все неподобающие предметы и передать вам, чтобы вы решили, куда их деть в дальнейшем.

– Однако, – юная королева оглядела строй дам, не решившихся выпрямиться. – К сожалению для вас, леди, виконтесса права. Ваш внешний вид весьма далек от требований, которые были установлены еще нашими с вами предками. Посему, я вынуждена наложить на вас штраф. По пять золотых монет с каждой из вас. И, если вы и дальше хотите ходить так, как нравится, это будет стоить вам еще пять золотых в день. В противном случае потрудитесь выглядеть прилично. Кроме того, все эти вещи, – легкий жест в сторону кучки вещей, – будут мною конфискованы и возвращены за выкуп – по золотому за веера и шляпки и по три золотых за каждое ювелирное украшение. Барон Мичелли, прошу вас собрать предметы роскоши наших фрейлин. Назначаю вас ответственным за эти безделушки, – девушка дождалась, пока Андреас соберет все отобранное имущество фрейлин и двинулась к выходу. – Ах да, – обернулась она уже в дверях, – если вы не выкупите их до даты аукциона, все это также будет выставлено на торги.

После этого Анна-Виктория покинула лазурную залу и медленно направилась в свой кабинет. За спиной раздался шелест платьев – дамы, наконец, позволили себе выпрямиться.

– Ваше величество, – когда они достаточно удалились от места скандала, тихо обратился к ней секретарь, – вы не боитесь, что только что нажили себе сразу дюжину врагов?

– Об этом мы будем думать потом, – улыбнулась королева, – а вот только что я заработала пятьдесят золотых, и еще половину этой суммы мне принесет выкуп той ерунды, что ты сейчас несешь на своей папке. А может и больше, если эти курицы решат воспользоваться правом являться во дворец в чем хотят. Надо будет посмотреть счета отца, может получится закрыть хоть один. Если нет, то эти средства пойдут на плату рабочим, которые будут строить дороги.

– Как всегда у тебя все просчитано, – Андреас плотно закрыл дверь кабинета и скинул женские штучки на подоконник. – Две шляпки, пять вееров, пятнадцать ювелирных украшений. Итого пятьдесят два золотых. Даже больше, чем ты рассчитывала.

– Я же не видела всего, что там было, – равнодушно пожала плечами девушка. – Составь список, что мы получили. И список дам заодно. Потом будут расписываться, что выкуп уплачен, а свое барахло они забрали. А вообще, не думала, что будет так весело. Эти их взгляды,

когда я огласила свое решение. Думаю, предстань перед ними созидательница, они бы и то меньше удивились, – и юная королева рассмеялась.

Андреас не разделял ее веселья. С одной стороны, вроде ничего страшного и не произошло. Дамам намекнули на недопустимый вид. Даже покойный король Шарль-Антуан, не моргнув и глазом, отправил бы провинившихся в их поместья. Не миновала бы эта кара и его фаворитку. Так что Эмилия поступила еще мягко. Тем более что денег у этих семейств немеряно. Но что-то не давало успокоиться, расслабиться и полностью заниматься своими делами, ухаживать за Камиллой, выяснять что за земли достались ему вместе с титулом. Возможно, все дело было в Филиппе, а, возможно, он просто слишком беспокоился за свою подругу.

– Что ж, – задумчивый голос королевы отвлек ее секретаря от размышлений. – На сегодня с делами покончено. Можешь быть свободен.

– А ты? – удивился юноша.

– Я планирую изобразить убитую горем дочь, – усмехнулась девушка. – Завтра похороны. Думаю, если я часик проведу рядом с телом отца, хуже никому не будет, а королевство не успеет развалиться. Траур у меня или как?

– Думаю, в свете последних потрясений все только порадуются твоему времяпровождению.

– Зря, – Эмилия столь энергично кивнула головой, отчего завитые локоны подпрыгнули, – то, что я буду сидеть перед гробом с четками в руках и машинально шептать соответствующие молитвы, не означает, что я не буду думать о дальнейших своих действиях. Слишком много всего надо сделать. И сделать осторожно. Иначе мы выпустим такого джинна, что не сможем его загнать, даже объединившись с Филиппом.

– Ты что-то задумала?

– Да, – королева чуть заметно улыбнулась. – Я планирую ликвидировать откупа, и ввести ряд государственных монополий.

– Но это же... – Андреас испуганно прикрыл рот ладонью. – Эми, если мы останемся живы, ты будешь величайшей королевой в истории Дельменгорста. Вот только я сомневаюсь, что тебе позволят все это осуществить. Слишком большие это деньги, чтобы те, кто держит это в своих руках, расстались с ними.

– Поэтому мне надо договориться с Филиппом, – спокойно ответила девушка.

– Боюсь, это еще менее реально.

– К сожалению, – она немного помолчала, затем словно, размышляя вслух, тихо произнесла, – хоть жени его на себе.

– Что? – было трудно понять, чего больше на лице секретаря: ужаса или удивления. – Эми, ты точно сошла с ума.

– Не беспокойся, все равно это невозможно. Филипп никогда не пойдет на такое. Даже если я передам ему всю полноту власти, он будет до последнего ждать или кинжала в спину, или заточения. Сам понимаешь, что мне не нужны такие отношения, – девушка не смогла сдержать печального вздоха.

– Ты так и не забыла своей влюбленности?

– Нет, – она покачала головой. – Знаешь, я тогда нырнула в омут его глаз, и до сих пор не смогла выплыть. Я знаю, что он ненавидит меня, что я для него помеха в осуществлении планов, но ничего не могу с собой поделать. Потому что понимаю, сложись все иначе, и мы могли бы быть счастливы. Ладно, забудь о том, что тут наговорила. Все это не влияет на наши проблемы.

Девушка поднялась и вышла из кабинета. Андреас немного постоял, ожидая, что его королева вернется, потом подошел к окну и увидел, как она пересекла двор и скрылась в часовне. Вздохнув, юноша перенес за стол изъятые у фрейлин вещи, придвинул лист бумаги и принялся за порученное ему дело.

Дождавшись, пока стихнет стук королевских каблучков и звук сапог секретаря, виконтесса победно оглядела притихших фрейлин. Бывшие королевские фаворитки задумчиво молчали, видимо, что-то просчитывая. Надо отдать должное, с математикой у женщин было куда лучше, чем полагали их мужья. Камилле не надо было уметь читать мысли, чтобы догадаться – все эти придворные дамы, хотя девушка могла бы назвать их прикроватными, ибо все они успели побывать в постели покойного короля, прикидывали, в какую сумму обойдутся им вольности гардероба. Шутка ли – отдать пять золотых за право приходить во дворец в том, что нравится, а не в положенном трауром черном платье из простой ткани без каких-либо украшений. Даже покрой траурных одежд был в свое время строго регламентирован жрицами Созидательницы. Платья были закрытыми, с длинными рукавами и воротником-стойкой зимой, летом рукава можно было укоротить до локтя, а вырез ворота мог немного приоткрывать ключицы.

– А пусть, – внезапно произнесла последняя любовница короля. – Что мне пять золотых, зато не буду на монахиню похожа.

Женщины одобрительно загудели. Первая фрейлина с трудом сдержала смешок. Эти женщины видели служительниц Созидательницы исключительно в своих пансионах, где те носили строгие наряды, дабы подавать пример ученицам. На деле же иных женщин не редко путали с представительницами древнейшей профессии. Чем заканчивались подобные ситуации, история умалчивала. Но, судя по отсутствию скандалов, девушка могла предположить, что все делалось ко взаимному удовольствию, иначе как еще объяснить большое количество детей в монастыре, где она провела две недели, пока ее отец занимался делами. Как удалось узнать любознательной Камилле, впоследствии эти дети становились талантливыми скульпторами, художниками, писателями, а иные и вовсе актерами, если не хотели пойти по пути служения богине.

– А что такого, – тут же заявила первой фрейлине другая, – все равно нас тут через десять дней не будет, а пятьдесят золотых – не те деньги. У меня только веер две сотни стоит.

– А мне этого и на булавки не хватит, – поддержала их третья, и Камилла поразилась, что же это за булавки у жены бывшего уже военного министра. Мелькнула мысль намекнуть Филиппу, не на эти ли самые булавки тратились деньги, вместо того, чтобы строить форты на границе с Вастилианой. Наверное, именно так она и поступит, хотя бы ради того, чтобы увидеть выражение лица графа. Девушка не удержалась и тихонько хихикнула.

– Вам смешно, виконтесса Остенферд, – фыркнула одна из дам. – Не беспокойтесь, мы с радостью наденем траур по вашей безумной королеве и ее уродцу-секретарю.

Шорох юбок, и на середине зала осталась одна лишь герцогиня Сильен фог Дешински. Блондинка лет сорока в нежно-розовом платье, призванном замаскировать начавшую расплываться фигуру, яркий макияж, говоривший, что происходила она из не самой богатой семьи и лишь чудом отхватила такой куш, каким был герцог фог Дешински, ужимки и речи, приущие скорее девушке на первом балу, нежели замужней женщине. Впрочем, уже никто не сомневался, что недалекая Сильен даже не задумывалась о смысле произнесенных ею слов и их последствиях. Регулярно произносившая глупости и двусмысленности, в этот раз женщина подписала себе приговор. И никто из фрейлин двора не собирался покрывать ее. Неизвестно, что будет завтра. На голову графа Эстеритен, коего все видели на троне, может чисто случайно упасть кирпич, которому пришло время покинуть привычную печную трубу и отправиться в недолгое путешествие. Граф может подавиться костью, его может укусить бешеная собака, сбросить конь, да просто может уснуть и не проснуться. Поэтому фрейлины хоть и противопоставляли себя королеве, но свои мысли предпочитали держать при себе.

Оказавшись одна в центре зала, герцогиня завертела головой, глядя на столь стремительно расступившихся товарок. Она попыталась, было, приблизиться к одной из них, но женщина тут же отступила в сторону, словно от прокаженной.

– Стража! – Камилла подошла к окну и увидела, как фигурка ее подруги королевы скрылась в часовне. На пороге возникла вездесущая стража и замерла, в ожидании распоряжений. – Проводите эту женщину в ее комнаты. Она не должна покидать их и ее не должен навещать никто кроме мужа. Еду и питье передавать самим. Все понятно?

– Как долго она будет содержаться в таких условиях? – тут же уточнил один из стражников, видимо главный в этой тройке. Судя по тому, что уточнения преступления не последовало, они все прекрасно слышали. Это только кажется, что стража и слуги глухи и немые. Когда надо, они оказываются ценными свидетелями.

– До решения ее величества. Исполнять.

– Так точно, – два мужчины подошли к замершей посреди зала герцогине и подхватили под руки.

– Нет, вы не имеете права, – взвизгнула та, отмерев, и попыталась вырваться из рук стражников, правда безуспешно. – Я буду жаловаться королеве! Вы что, не знаете, я герцогиня Дешински! Немедленно отпустите меня!

Крики удалялись по мере того, как стража продвигалась вглубь дворца.

– Что с ней теперь будет? – через какое-то время решила озвучить общую мысль девушка лет восемнадцати. Камилла отметила, что этой фрейлины не было, когда она покидала дворец для поездки домой. – Ее казнят?

При последнем слове все вздрогнули – девушка озвучила общую мысль, пугавшую всех фрейлин.

– Будет так, как распорядится ее величество Анна-Виктория, – тихо произнесла первая фрейлина двора. – Можете не беспокоиться, штрафы за нарушение траура сохранятся, и более жестких наказаний не последует, – женщины тихонько выдохнули. – Но я прошу завтра придти в соответствующем виде, все-таки похороны короля, – продолжила Камилла, – иначе кто знает, какие у этой истории могут быть последствия для всех вас.

Обрадовав все таким предупреждением, первая фрейлина покинула зал.

Отойдя на несколько шагов от дверей и свернув за угол, девушка прислонилась к стене и схватилась за какой-то декоративный выступ. Ноги дрожали, и Камилла простояла так несколько долгих минут, пока не успокоилась. Скажи ей кто, что в один прекрасный день она будет так обращаться с фрейлинами, многие из которых стоят куда выше нее, да еще и прикажет поместить одну из женщин, по возрасту ровесницу ее матери, под охрану, девушка бы никогда не поверила. Жизнь оказалась куда более непредсказуемой. И теперь первая фрейлина и, по совместительству, подруга королевы надеялась, что никто не заметит, насколько она сама напугана всем случившимся. Иначе ей конец.

Немного придя в себя, Камилла поспешила в свои комнаты. Не хотелось, чтобы ее кто-то застал, а девушка понимала, что долго оставшиеся в зале дамы там не пробудут. Значит, надо как можно скорее скрыться подальше. Немного поплутав по коридорам, первая фрейлина вошла в жилое крыло. Из одной комнаты, со стражей у дверей, доносились какие-то непонятные звуки, но Камилла не стала подходить и разбираться. Свернув в противоположную сторону, она вошла в отведенные ей комнаты. Немного постояв, девушка прислушалась, но из покоев королевы не доносилось ни звука. Тогда она сбросила туфли и пошла в свою спальню.

Едва за герцогиней Дешински закрылась дверь, женщина принялась колотить в нее руками и ногами, ничуть не заботясь о сохранности маникюра и новых туфелек, угрожать страже всевозможными карами и призывать Созидательницу. Периодически с уст женщины слетали такие выражения, которые приличной даме не полагалось знать. Впрочем, буйствовала бывшая фрейлина не долго. Поняв, что ничего таким поведением не добьется, она успокоилась и упала в кресло. Однако, долго сидеть ей не пришлось. Минут через пятнадцать распахнулась

дверь, и в комнаты вошел герцог фог Дешински. Несколько долгих секунд он глядел на свою жену, потом бросил короткое:

– Дура!

– Что? – взвилась из своего кресла женщина. – Что ты себе позволяешь?

– Идиотка, – припечатал он.

– Немедленно извинись, – женщина истерично топнула ногой, но густой ворс ковра испортил весь эффект, заглушив звук.

– Видит Созидательница, я долго терпел твою беспросветную глупость. Когда я только женился на тебе, я думал, что ты еще молода, со временем поумнееешь и перестанешь вести себя как последняя дура королевства. Когда на свет появились наши дети, ты, вроде, изменилась. Но нет, я зря надеялся, – мужчина нервно ходил по комнате, выплескивая свое недовольство, потом остановился и посмотрел на жену. – Неужели ты не могла промолчать сегодня?

– Промолчать, когда эта девчонка вела себя с нами так, словно она воспитательница пансиона, а мы обычные девчонки? – взъярилась Сильен. – Кто она, а кто мы? Позволить какой-то виконтессе отчитывать меня, герцогиню...

– Да, промолчать, – рявкнул герцог, потом отошел к окну и схватился руками за голову. – Созидательница, – простонал он, – за что ты послала на моем пути такую непроходимую дуру? Какой грех совершил я? Почему из всех женщин я выбрал именно эту. Почему не прислушался к советам родни?

Несколько минут он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, и бормотал молитвы. Потом повернулся к жене.

– Даже если ее величество оставит тебя в живых, я буду просить жрецов признать наш брак недействительным. Думаю, ты понимаешь, детей ты больше никогда не увидишь. После твоей сегодняшней выходки тебе нет места рядом с нами. Да ты вообще должна будешь у Анны-Виктории в ногах валяться, чтобы отделаться ссылкой!

– Но как же я, – залепетала почти уже бывшая герцогиня, до которой дошло только, что она вот-вот потеряет мужа, а вместе с ним доступ к его богатству.

– Как хочешь, – тихо произнес он. – Мое терпение тоже не безгранично. А оказаться на каторге, а то и вовсе на эшафоте по твоей милости я не хочу. Я должен думать о детях. Они еще слишком юны.

– Самуель, – Сильен поднялась, протянула руки к мужу и, словно лишившись сил, упала обратно в кресло. – Самуель, ты же не поступишь так со мной. Ты же не оставишь свою бедную жену из-за какой-то пустой фразы.

– Ты даже не поняла, глупая женщина, – подошел он к ней, – что можешь уже вечером лишиться головы. Мне жаль тебя.

Мужчина развернулся, подошел к двери и постучал. Стражник приоткрыл створку, убедился, что это герцог и пропустил его. После чего вновь закрыл дверь и запер на ключ.

– Так, так, так, – от чужого голоса юная королева вздрогнула и открыла глаза. Мысль, мелькавшая в голове, тут же испарилась в неизвестном направлении. А ведь она почти придумала, как ей разойтись миром с ростовщиками, чтобы выплаты долгов не били по казне. – Все думают, что дочь убивается по отцу, а она всего лишь спит.

– Граф, – девушка повернула голову. Филипп устроился на скамье на небольшом расстоянии от нее. – Не ожидала вас здесь увидеть.

– А я не ожидал, что ваше величество будет столь непочтительно спать у гроба собственного отца.

– Смею вас разочаровать, но я думала. Кажется, часовня, это единственное место, где меня не отвлекают каждые десять минут с очередным жизненно важным вопросом, – девушка не смогла сдержать вздоха, выдававшего всю накопившуюся усталость, и тут же мысленно

упрекнула себя – этот человек враг, а она показывается ему слабой. – Но я не ожидала, что вы решите почтить это место своим присутствием.

– Вы не верите, что я могу искренне переживать из-за смерти дядюшки? – мужчина приподнял одну бровь.

– После того, как он лишил вас трона? – в тон ему ответила королева.

– Фортуна переменчива, – равнодушно бросил граф. Но тут же сменил тон на более жесткий. – Я хотел поговорить с тобой о том, что происходит в стране. Ты хоть имеешь представление...

– Я поняла, – оборвала кузена Анна-Виктория. – Тебе интересно, отдаю ли я себе отчет в том, что успел наворотить мой отец? Увы. Скорее вы граф не представляете всех масштабов катастрофы.

– То есть? – Филипп развернулся и внимательно всмотрелся в лицо девушки.

– Неужели вы до сих пор не поняли? – чуть склонила она голову на бок, в свою очередь изучая лицо мужчины. – В казне нет даже медной марки. Более того, мы в таких долгах, что в пору продавать все, от дворца до последней булавки в моем платье и переселяться в квартал бедняков. И то не факт, что всех денег хватит.

– То есть, вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что жалованье армии будет выплачено в срок, а расходы на нее сокращены не будут. Но пострададут чиновники.

– Я бы вообще разогнал их ко всем демонам, – прервал ее граф.

– Как ни странно, дорогой кузен, но тут я с вами согласна, – слабо улыбнулась девушка. – Вот только обойтись без них сейчас не просто. Посему я вынуждена всего лишь сократить двор. Впрочем, это тоже ощутимая статья расходов.

– И поэтому вы сейчас устраиваете этот аукцион, – пришло понимание к мужчине. – Но что потом, когда пройдет время? Не будете ли вы жалеть о проданных дворцах, драгоценностях?

– Нет, – пожала плечами юная королева. – Тем более что ничего ценного представлено не будет, ну за исключением зданий.

– А воспоминания? – поймал ее взгляд граф?

– Воспоминания? – Анна-Виктория попыталась изобразить изумление, но от Филиппа не укрылось, она сжала в руках веер так, что побелели пальцы. – Есть пара мест, с которыми я не смогу расстаться, все остальное – стены, за которыми мой отец развлекался с очередной любовницей, не успев похоронить маму.

Несколько минут в часовне царила тишина. Граф рассматривал лицо девушки, в неверном свете свечей пытаясь разглядеть, какие чувства оно выражало. Сама еще некоронованная королева смотрела на гроб с телом отца, что покоился на возвышении в нескольких шагах от них.

– Почему вы все это мне рассказываете? – прервал молчание мужчина.

– Не знаю, – призналась она. – Может потому, Филипп, – граф удивился мягкости, с которой она произнесла его имя, – что я надеюсь на ваше понимание. Не стоит сейчас еще больше раскачивать лодку, в которой мы оказались. Может, стоит дать шторму стихнуть?

– Я подумаю, – он поднялся и, не поклонившись, покинул часовню.

Глава 4

С раннего утра улицы города были запружены народом. Люди собирались на улицах, по которым должны будут пронести гроб с телом покойного короля. Крыши были заняты желающими увидеть процессию. Даже фонари и деревья были обвешаны вездесущими мальчишками. Те, кому не повезло пробиться в первые ряды, повисали на плечах соседей. Некоторые горожане брали с желающих посмотреть на последний путь их монарха плату за доступ к окнам и балконам. Кто-то даже пристроил на боковых улочках кареты, и, также за плату, пускал людей на крыши. Город жаждал зрелища, и кто знает, во что все это выльется, если его не будет.

Анна-Виктория выслушала последние донесения Гильермо. Глава дворцовой стражи покосился на стоявшего чуть в стороне графа Эстеритен, и недовольно поджал губы. Девушка лишь покачала головой, но от комментариев воздержалась. Она понимала беспокойство человека, всю свою жизнь отдавшего обеспечению безопасности сначала ее деду, потом отцу, а теперь и ей. Но отказаться от участия в мероприятии юная королева не могла. Если народ не увидит ее сегодня, следующей за гробом отца, неизвестно, сколько участников похоронной процессии останется в живых. Так же, как и то, что народ не остановится, если на глазах у всех что-нибудь случится с юной королевой. Оба они: и Гильермо, и Анна-Виктория, это понимали.

– Да хранит тебя Созидательница, девочка, – тихо шепнул мужчина. Принцесса лишь ласково улыбнулась ему и, с помощью одного из стражников, села на коня.

Ворота распахнулись, и процессия двинулась. Первыми на улицы города ступили десять дворцовых стражников в парадных мундирах с траурными лентами и черными перьями на шляпах. Следом за ними рота гвардейцев, расквартированных в столице, в форме с черными перевязями на правой руке. После десятка лошадей тянула пушечный лафет с телом покойного короля. Крышка гроба была открыта и все любопытствующие могли убедиться, что их правитель умер. Причем, судя по навсегда застывшему выражению лица, умер их король в минуту наслаждения. Сразу за гробом на белой лошадке ехала первая в истории королева Дельменгорста, получившая этот титул по наследству. Простая черная амазонка облегла хрупкую фигурку, после ниспадая аккуратными складками – старания верной Эсперансы. Волосы заплетены в простую косу и перевиты черной лентой. На руках простые перчатки. Туфелек не было видно из-за юбки.

– Да здравствует королева! – раздалось в толпе, и горожане подхватили этот клич. – Да здравствует Анна-Виктория! Храни Созидательница королеву!

Девушка обвела людей глазами, в которых стояли слезы, потом робко подняла в приветствии руку.

Позади королевы на своем коне ехал ее формальный наследник, он же претендент на трон, граф Эстеритен. Мужчина вновь был облачен в парадную форму своего полка со всеми положенными траурными элементами. Верный конь косил глазом на столпившихся вдоль дороги людей, заметно нервничая. Девушки с трудом отводили взгляды от статного красавца-всадника.

– Как же они хорошо смотрятся рядом, – тихо произнесла какая-то аккуратная старушка. – Молодые, красивые. Видно, что Созидательница их друг другу предназначила.

– Да что вы, матушка, – так же тихо ответил ей стоявший рядом мужчина. – Или вы не знаете, что граф королеву нашу ненавидит с той самой минуты, как наш покойный монарх дочери трон оставил.

– А все равно пара была бы красивая, – мечтательно повторила старушка, глядя вслед королеве и графу.

Сын покачал головой, но промолчал. Не его сватает, и ладно, а от королевы с графом не будет, тем более что пара действительно красивая.

На расстоянии от графа следовали прочие представители дворянства, недавно назначенные министры, крупное купечество и крепкие промышленники, особо доверенные дворцовые слуги. Замыкали процессию жрецы, читавшие молитвы, призывающие покой душе умершего монарха.

Едва тело короля прибыло в городской храм, на территории которого была усыпальница правителей страны, зазвонили колокола. Народ начал расходиться с улиц. Самое интересное было позади. На покойного короля посмотрели – сразу видно, что своей смертью умер. Если бы убивали, лицо таким довольным бы не было. Королеву молодую увидели. Видно, что смерть отца переживает. Но, что важнее, о стране беспокоится. Глаза хоть и уставшие, но тоже видно – не столько слезы проливает, сколько над бумагами сидит. Все знают, Анна-Виктория всегда скромностью отличалась да добрым отношением к простому народу. Сложно ей придется, жалко правительницу.

На графа посмотрели. Девушки молоденькие повздыхали, что не про них такой красавчик. Заодно о себе графу напомнили, что войсками людей не запугать. Ну да он понял. А чего не понять, ежели не ему люди приветствия кричали. Министров продемонстрировали. Лица не новые, но куда приятнее предыдущих. Правда это только пока так кажется, а как на деле будет – потом разберемся, когда до этого самого дела дойдет.

Посмешили придворные. Так старались на лицах печаль изображать, что цирковые клоуны позавидуют. Остальные уже не столь важны. Пусть на коронации привычного праздника не будет, салют постреляет до этого по кружке чего захочешь нальют да закуску поставят и ладно. Им куда больше радости перепадет, чем этим придворным. Видно же, что они их Эми не любят. Да за одни их кислые лица можно приплатить кто сколько не пожалеет.

Примерно такие разговоры могли бы услышать те, кто недавно следовал по главным дорогам от королевского дворца к главному храму. Впрочем, тот факт, что никто не слышал этих речей, равно как и фраз о том, какой красивой парой могли бы стать их королева и граф, не означал, что их не передадут по назначению. В толпе помимо обычных зевак были слуги аристократов, отправленные собирать информацию, многочисленные осведомители министерств, ведомств и, разумеется, люди фон Розенстоуна, которые не только собирали информацию, но и обеспечивали безопасность королевы на пути процессии.

Чуть полноватый мужчина в добротном, не сильно поношенном костюме с легкой улыбкой свернул на узенькую улочку. Все, что ему было надо, он услышал. С одной стороны, радоваться было нечему, а вот с другой... Мужчина усмехнулся. Можно было поспорить на полугодовой заработок, что его хозяин будет не в восторге от услышанного. Более того, он будет в шоке, потому что подобные мысли ни разу не пришли ему в голову. Хотя, кто знает, как еще судьба обернется. А сам он с той старушкой согласен. Вот только хозяину его мысли знать не обязательно.

Анна-Виктория спешила и подошла к гробу отца. Вслед за ней в том же порядке следовал остальной эскорт на сегодня. Девушка физически чувствовала неприязнь кузена, но старалась не обращать на это внимания. Она не заставляла людей на улицах кричать приветствия. Более того, ей не очень нравилось все это. Но поделаться с народной любовью ничего нельзя, разве что превратить ее в ненависть. Только это девушке не нужно, а раз так, придется терпеть. Впрочем, юная королева никогда не любила публичных мероприятий. Но от них никуда не деться, такова судьба всех монархов. Придется привыкать.

Девушка следом за жрецами вошла в храм. Стены закрывали тяжелые темные ткани, свечи горели только вокруг возвышения, на которое гвардейцы опустили гроб с телом короля. Анна-Виктория прошла и заняла свое место перед телом отца. За ее спиной чуть правее встал Филипп. Все остальные заполнили скамьи в храме, и поминальная служба началась.

Юная королева слушала слова верховного жреца, а в голове оформлялась мысль, что вот теперь действительно все. Отца больше нет, он не войдет в один прекрасный день в кабинет, не улыбнется и не поинтересуется, что успела натворить его дочь, пока он развлекался на охоте. Девушка закусил губу, чтобы болью отвлечь себя, и стиснула в руках веер. Никто не должен видеть ее слез. Позже, когда она останется одна, в крайнем случае, с Камиллой. Главное – дождаться окончания церемонии.

Филипп стоял чуть позади так называемой королевы. С одной стороны, любой мог бы позавидовать его положению – наследник престола. С другой, он превращался в вечного наследника. А ведь эта девчонка вполне может найти подходящего принца-консорта, и уже их дети будут наследовать трон, а он так и останется ни с чем. Мужчина бросил взгляд на гроб. Да, дядюшка обнадежил. Когда Филипп принимал командование полком, Шарль-Антуан прозрачно намекнул, что доволен своим наследником. И что в итоге? Граф с трудом сдержал фырканье, и перевел взгляд на ту, что заняла его место.

Бледное лицо, глаза с залегшими под ними тенями. Если у придворных барышень они нарисованы, то тут настоящие. Стоит напряженная, словно струна, закусив губу. А в глазах слезы? Похоже, что так. Руки судорожно стискивают веер. Но держится, не показывает своих эмоций на публику. И когда только научилась? Хотя, на балу он тоже не мог понять, рада она или нет.

Верховный жрец начал обходить гроб с кадилом в руке, чуть сладковатый дым окутал и покойного короля, и его наследников. Жрецы окружили их, словно отделив стеной от остальных присутствующих на церемонии, и начали петь. Краем глаза скучавший на церемонии мужчина заметил, что королева побледнела еще больше, хотя несколько минут назад могло показаться, что это невозможно. Рука девушки отпустила веер и словно искала опору рядом с собой. Филипп осторожно подхватил ее под локоть, не давая потерять равновесие.

– Благодарю вас, – прошептала королева, чтобы услышал только собеседник.

– Не стоит, – так же тихо ответил он.

Больше не было произнесено ни слова, но до конца церемонии они так и простояли рядом: Филипп поддерживал Анну-Викторию. Верховный жрец краем глаза заметил это легкое нарушение протокола, но промолчал, осторожно спрятав улыбку в окладистой бороде.

Окончание церемонии прошло для девушки как в тумане. От запахов курящихся трав и масел кружилась голова. Если бы не помощь Филиппа, она бы уже упала. Впрочем, и близость к мужчине вызвала схожие ощущения. Все, что в такой ситуации могла сделать юная королева – повторять за жрецами слова молитв и песнопений, сосредоточившись на ходе службы, и постараться отрешиться от мужских пальцев, что крепко, но осторожно сомкнулись на плече.

Но вот прозвучали последние слова молитв. Жрецы приблизились к гробу, чтобы закрыть крышку и перенести его в усыпальницу. Анна-Виктория чуть повела рукой, намекая, что ее можно отпустить, и подошла проститься с отцом.

– Да пребудет твоя душа в покое, – тихо прошептала девушка, прежде чем поцеловать отца в самый последний раз. – Может, ты был не самым лучшим королем, и не самым заботливым отцом, но я все равно люблю тебя.

Несколько минут девушка глядявалась в лицо отца, пока чьи-то руки не заставили ее сделать пару шагов назад. Анна-Виктория повиновалась, не отрывая глаз от жрецов, закрывавших крышку гроба.

– Папа, – тихо прошептала девушка, уже не скрывая слез. – Папа, а как же я.

Жрецы подняли гроб с телом короля и пошли к дверям в восточной стене храма.

– Вытрите слезы, ваше величество, – услышала она тихий шепот, а в руку ей лег платок.

– Благодарю, – девушка промокнула глаза и чуть скосила взгляд – за ее спиной стоял граф Эстеритен.

– Не стоит благодарности, – чуть пожал плечами он. – Понимаю, что вы сейчас чувствуете.

Анна-Виктория лишь кивнула. Удивляться нечему – граф потерял родителей, когда был примерно в том же возрасте, что и девушка. Нет ничего удивительного, что в такое время вражда отошла на второй план. Королева медленно последовала за жрецами.

До места упокоения короля провожали только дочь, племянник, несколько семей, удостоившиеся дружбы Шарля-Антуана или его дочери, а также наиболее приближенные к нему слуги. Среди них девушка с радостью заметила виконта фон Остенферд с семьей, Андреаса рядом с верной подругой, Гильермо фон Розенстоуна и свою няньку Роситу, которая воспитывала еще ее отца.

Процессия остановилась перед усыпальницей. Верховный жрец обернулся к подтянувшимся людям и прочитал последнюю молитву о скорбящих, призванную ободрить собравшихся. После этого жрецы внесли гроб с телом покойного короля и створки захлопнулись. Анна-Виктория знала, что в следующий раз двери королевской усыпальницы откроются через два месяца, тело отца уже будет погребено, а над его могилой будет стоять статуя с памятной надписью на постаменте.

Шорох за спиной – пришедшие проводить короля, потянулись к выходу с территории храма. Девушка же стояла и смотрела на закрытые двери. Ей казалось, что отец вот-вот выйдет оттуда, скажет, что это была шутка, глупая, не самая удачная, но шутка, призванная проверить его наследницу, а если сейчас она отвернется и уйдет, то его уже не вернуть.

– Эми, – голос Филиппа доносился до нее, словно откуда-то издалека, – пора.

Юная королева заставила себя развернуться и покинуть храм.

Анна-Виктория вошла в свою комнату и упала на кровать. Сил не было ни на что. Даже желание плакать пропало после выслушивания дежурных соболезнований от придворных. Искренними были только родня Камиллы и Филипп, который вынужденно пребывал рядом, но больше молчал, ограничиваясь дежурными фразами. Уж лучше ничем не скрываема вражда, чем напускное сочувствие. Во время обязательного поминального ужина у девушки кусок в горло не лез. Наверное, если бы не брошенное графом Эстеритен: «Если вы не собираетесь утром отречься, соберитесь», – королева так бы и просидела, глядя в пустую тарелку. Помогло. Она прожила этот день, не показав придворным своей слабости. Придворным, но не Филиппу.

– Неужели этот кошмар закончился? – глядя в потолок, спросила она.

– Да, – первая фрейлина плотно прикрыла двери в спальню. – Все позади, Эми.

– Не все, – почти простонала девушка. – Еще коронация. Созидательница, ну почему нельзя не устраивать никаких мероприятий по этому поводу. Пришла в храм, помолилась, жрец возложил корону, и пошла работать. Так нет же, кому-то все это надо. Да почти всем, кроме меня!

– Что поделать, Эми, потерпи немного. Всего один день, зато потом можешь делать, что захочешь, – Камилла скинула туфли и забралась в кресло, подобрала ноги.

– Точнее, переделывать все что накопилось, – уточнила юная королева. – Милостью отца. А дела не отменяют всей этой нерабочей суеты. – Не хочу, как же я всего этого не хотела.

– Так откажись, – пожал плечами подруга. – Твой потенциальный наследник и без того не отходил от тебя всю церемонию. В какой-то момент я испугалась, как бы он тебе кинжал в бок ни всадил, – на это Эмилия только фыркнула, – а после твоего отречения...

– Камилла, – чуть резче, чем хотела, прервала девушка подругу. – Вообще-то я не про государственные дела говорила. Как раз ими я готова заниматься столько, сколько понадобится, днями и ночами, лишь с редкими перерывами на еду и короткий сон. А вот вся эта мишурная показушность... – она вздохнула.

– Так назначь официального представителя, который будет ходить с бокалом шампанского, кивать всем этим снобам, изредка танцевать с теми, с кем необходимо и говорить банальности, – пожала плечами Камилла.

– А это идея, – села на кровати Эмилия. – И я даже знаю, кто справиться с этой должностью.

– И кто же? – виконтесса почувствовала подвох, но еще не поняла, в чем он заключается.

– Ты, – не разочаровала ее эта нехорошая королева, которую девушка опрометчиво называла подругой.

– Что? – фрейлина даже подскочила в кресле. – Нет, Эми, ты так не поступишь. Я же твоя лучшая подруга. Ну, скажи, что ты пошутила.

– А если не скажу, что тогда? – правительница упала обратно на кровать, вернувшись к созерцанию потолка, и лишь изредка краем глаза поглядывала на подругу.

Ситуация забавляла ее. С другой стороны, она еще успеет и наплакаться, и помянуть отца «добрым» словом, и просто помянуть не один раз. Сейчас надо забыть эти постные лица, которые не могут скрыть выражения настороженности. Вдруг прямо сейчас отдадут приказ об их аресте, конфискации имущества или еще чем столь же неприятном. Как будто ей сейчас есть до них дело. Все потом, когда она сможет им противостоять. Или это станет заботой кузена.

– А тогда вот, – Камилла со смехом запустила в подругу декоративной подушечкой.

– Нет, только не это, – в притворном ужасе воскликнула Эмилия, удобнее перехватывая импровизированный снаряд.

Несколько минут девушки со смехом перекидывались подушкой.

– У меня такое ощущение, – смеясь, произнесла Эмилия, – что мы с тобой опять в детство вернулись. Помнишь, когда мне десять лет было, я жила у вас в поместье. Тогда мы попались на какой-то проказе, и твой отец отправил нас в спальню после ужина, оставив без десерта.

– Мы тогда две подушки порвать успели, – расплылась в улыбке Камилла, – пока взрослые думали, что мы переживаем и раскаиваемся.

– Потом пришел Жозеф, а у нас вся комната перьями покрыта, и пух в воздухе летает, – девушки снова рассмеялись.

– Ну вот, зачем ты стала вспоминать, – деланно простонала первая фрейлина, потом резво соскочила с кресла, сунула ноги в туфельки, – я скоро, – с этими словами она скрылась за дверь.

Анна-Виктория с удивлением посмотрела вслед подруге, после чего нехотя поднялась и прошла в гардеробную. С трудом расшнуровав платье – звать служанок юная королева не хотела – она выбралась из своего официального траурного облачения и облегченно вздохнула. Потом прошла в умывальную комнату. Благодаря приказу деда и таланту заезжего архитектора покои правителей и их приближенных были снабжены водопроводом, по которому вода по системе труб подавалась на второй этаж в покои правителей, их родственников и приближенных. Единственным недостатком этой системы оставалось то, что вода успевала остыть, и для того, чтобы понежиться в горячей ванной, приходилось звать слуг, которые ведрами приносили кипяток с кухни. Впрочем, сейчас девушку вполне устраивала в меру теплая вода из крана. Тем более что она не хотела видеть никого, кроме своих друзей. Кроме того, ее мучило любопытство: что же такое придумала Камилла, раз так быстро убежала.

Вода сделала свое дело, унеся усталость прошедшего дня. Грусть до этого прогнало их перекидывание подушкой. Покинув умывальню, юная королева сама нашла свежее белье, а сверху надела домашнее платье с воротом по шею и деревянными пуговками на рукавах. Богородный серый цвет при свете факелов отливал серебром, а белые манжеты и воротничок придавали нарядной строгости. Цвет же и фасон соответствовали своду о трауре в королевских семьях после похорон. Даже если девушке придется покинуть свои комнаты, она будет смотреться пристойно. И никто не догадается, что королева приобрела этот наряд прошлым летом

за пару серебряных марок на обычной сельской ярмарке, когда гостила в поместье Остенфердов.

В завершение преобразования Эмилия вытащила из прически ленту, позволив волосам рассыпаться по плечам. Конечно, это никуда не годилось. Во время траура надлежало убирать волосы в строгую прическу или косу, но девушка устала от тугой прически. Довольно потрянув головой, девушка вернулась в комнату. Подруги еще не было. Королева вновь упала на кровать, в ожидании Камиллы.

– А вот и я, – вошла в комнату девушка. Эмилия лениво повернула голову в сторону подруги. Та как раз ставила на столик большой поднос. – Раз уж мы детство вспомнили, то почему бы как в детстве не побаловать себя на ночь вкусеньким.

– Нет, точно назначу тебя своим официальным заместителем на приемах, – выдохнула королева. – Я тут, понимаете ли, от усталости умираю, а она дразнится и заставляет вставать.

– Если бы ты действительно помирала от усталости, то так бы и валялась в том страшном душном платье с косой торчком, – парировала виконтесса. – А раз успела принять душ и переодеться, значит все не так страшно, и добраться до столика ты сможешь.

– Вредина, – улыбнулась Эмилия, поднимаясь. Босиком девушка прошла по мягкому ковру и упала в кресло. Тут же подобрала под себя ноги, устраиваясь с комфортом.

– Должна же я соответствовать своей королеве, – усмехнулась Камилла, бодро раскладывая по тарелкам сладости и разливая еще горячий шоколад.

– Камилла, я официально тебя предупреждаю, – проследила за ее манипуляциями девушка. – Если я безбожно растолстею от наших ночных посиделок, то виноватой объявлю тебя. И заставлю питаться одними ванильными булочками, запивая их горячим шоколадом.

– Ты что, – притворно ужаснулась подруга. – Тогда Андреас точно на мне не женится. Зачем ему жена похожая на шар?

– Значит, у тебя есть стимул, – улыбнулась Эмилия, вонзая свои зубки в первую булочку.

Филипп спешил и, шатаясь, поднялся на крыльцо. Мальчишка с конюшни уже увел его скакуна расседлывать и кормить. Кивком головы граф отпустил сопровождавшего его охранника и вошел в дом. Вот зачем надо было навязывать ему этого парнишку, он и так прекрасно добрался. Споткнувшись о край ковра, мужчина чуть не растянулся на полу, а может и растянулся, если бы не подоспел дворецкий. Качая головой, тот помог своему хозяину подняться в комнату и раздеться.

А может, и не зря заставила – граф растянулся поперек постели, вспоминая их с Эми перепалку.

– Не нужен мне никакой сопровождающий, – мужчина только что ногой не топнул.

– Я настаиваю, – жесткий властный голос хрупкой девушки резанул слух. – Время позднее, а вы граф не настолько трезвы, чтобы у моих рьяных подданных не возникло желания облегчить мне жизнь. А мне бы не хотелось, чтобы утром ваше тело выловили из реки. Ищи потом того пьяного дурака, которому это в голову пришло.

Девушка резко развернулась и отошла, лишив его возможности продолжить этот спор. Умный конь привык доносить своего хозяина до дома или до казармы, в зависимости от того, в какой конюшне ему предстояло обитать, а если хозяин не мог самостоятельно спешиться, то еще и позвать слуг громкий ржанием. Собственно, Филипп обучал животное не для того, чтобы потом напиваться в тавернах и кабаках – мало ли что может произойти на границе. Пустяковая на первый взгляд рана может оказаться намного опаснее, приводя к потере сознания.

А ведь пару раз его сопровождающий опускал руку на меч, вспомнил граф. Значит, опасность была, только сам он предпочитал не обращать на нее внимания. Надеялся, что побоятся тронуть, вспомнив, что за ним стоит гвардия и приграничные части. Все-таки зря он позволил

себе лишнего. И, не вынуди его эта девчонка возвращаться с охраной, как пить дать плыло бы его бесчувственное тело в неизвестном направлении, являя собой деликатес для рыбы.

Но иначе он не мог. Потому что перед глазами вставали совсем другие картины.

В первый раз Филипп оказался на границе в шестнадцать лет. Тогда еще о командовании полком речи не шло. Молодой граф, только покинувший стены дворянского корпуса, командовал небольшим отрядом. Хотя, тогда было несколько спокойнее. То ли сил в те годы было больше сосредоточено, то ли внимания армии уделяли больше, он по молодости не интересовался, а сейчас уже не разберешь. Юный офицер не столько сам участвовал в боях, сколько учился. Командиры у него тогда были отличными. Заставляли молодого мальчишку решать задачи по тактике, стратегии, устраивали военные игры между отрядами, ротами. Даже времени скучать по дому не было. Хотя мать заваливала его письмами, да и отец раз в неделю присылал книги, газеты, а в ответ заставлял писать отчеты о жизни в гарнизоне, новых знаниях, мнение по прочитанному. Беды не предвещало ничто. Но в один день не пришли письма от матери. А вместо отцовской посылки – послание от Пьетро. Мажордом уведомлял, что его родители погибли при пожаре в поместье.

Дальше все сливалось в один большой кошмар. Восемнадцатилетний юноша загнал двух коней, но прибыл в поместье чуть больше чем через день. Прибыл, чтобы погрузится в кошмар, связанный с организацией похорон. Разумеется, многое взял на себя мажордом, самому графу предстояло выслушивать соболезнования, общаться со жрецами, подписывать какие-то документы, которые приносил Пьетро, предварительно тщательно изучив их. Хуже всего было оттого, что рядом не было ни одного из товарищей по корпусу. Со всем приходилось справляться самому. Даже верному Белави он не мог доверить того, что творилось на душе. Разве что старый жрец из храма пытался хоть как-то облегчить душевные страдания юноши.

Хоронили родителей в закрытых гробах. Но накануне Филипп настоял, чтобы ему показали их. Жрицы долго отказывались, но в итоге уступили. До сих пор в кошмарах он видел их трудно опознаваемые обгоревшие тела. Отца он узнал по серьге в ухе, мать – по золотой цепи, вплавившейся в тело. Стоит ли говорить, что в тот же день граф приказал снести флигель, где случился пожар, а на этом месте разбить большой цветник. После этого в поместье он не был ни разу, полностью предоставив мажордому вести все дела. Тот лишь представил отчет по проделанным работам и уточнил, какие цветы высаживать на означенном месте. Лишь самые спорные моменты решал граф, притом Пьетро Белави прилагал всю имеющуюся информацию, он же объяснил крестьянам причины, отчего хозяин не бывает поместье.

Наверное, именно поэтому, заметив, как резко побледнела в храме Эми, он не стал пускать события на самотек. Как бы он не относился к ней, смерть родителей не тот повод, когда уместно сводить счеты. У них еще будет время решить все споры. Не важно как, но все потом. Почему-то, когда он увидел ее слезы, вдруг сжалось сердце. Пусть у нее были друзья, но именно в храме девушка осталась одна. А кому, как не Филиппу знать, каково это, стоять одному, оставшись один на один со своей болью.

Филипп помотал головой, отгоняя воспоминания прошедшего дня. Не нужно было ходить. Только зря разбередил с таким трудом затянувшиеся раны. А с другой стороны, попробуй не приди, сразу пойдет слух, что граф Эстеритен отказался от борьбы за власть. Мужчина заставил себя подняться и вышел из спальни в гостиную. Там прошел к небольшому шкафчику в углу у окна, достал бутылку коньяка, стакан, налил и вернулся в комнату. Чертова девчонка. Даже после тяжелых боев с кочевниками на границе ему не хотелось выпить так, как в этот день. Перед глазами стояли полные невыплаканных слез зеленые глаза, руки помнили, как удерживали хрупкое девичье тело.

– Эми, побереги тебя демоны, – Филипп сделал пару глотков, после чего заставил себя опустить стакан на столик.

Не стоит потворствовать этому желанию, иначе потом можно не заметить, как потеряно будет все. Граф сел на постели, запустив руки в волосы. Хватит думать. Родителей не вернуть. Все, что он может, это хранить память о них в своем сердце. Пусть ему не хватает нежных рук матери, одобрения отца. Эти люди все силы приложили, чтобы их сын получил всестороннее образование. Многого они не успели. Юноша только начал постигать основы экономики, отец только помогал ему разбираться в интересах разных слоев населения. Все, что он успел изучить – военное дело, музыку, языки. Он мог непринужденно чувствовать себя в обществе, но не был готов взвалить на себя груз ответственности за страну.

А Эми смогла, вспомнилось ему. Не побоялась, взялась за это и всеми силами пытается удержать не власть, людей от беспорядков, решить накопившиеся проблемы и вопросы, пока не стало поздно. А что смогла эта девчонка, сможет и он. Филипп усмехнулся. Сможет. Будет сложно, но он справится. Но если совсем припечет – всегда можно отправиться на границу и провести там пару недель, в охоте на кочевников, что должно будет прибавить ему популярности среди народа.

Во время положенной недели между похоронами почившего монарха и коронацией нового юную королеву не оставляли в покое. Помимо работы девушку отвлекали на постоянные уточнения церемониала, приходилось зубрить слова древнего языка, примерять платье для коронации, благо оно, согласно традициям, должно быть максимально простым. И все это не отменяло работы.

Эмилия разбиралась с отчетом дипломатического ведомства, когда дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник стражник.

– Ваше величество, герцог фог Дешински просит принять его.

– Да, пожалуйста, – со всеми свалившимися делами и проблемами Анна-Виктория совсем забыла о герцогине, которую заключили под стражу во дворце. Позднее ее перевели в храм, где содержали в отдельной келье до особого распоряжения королевы.

– Ваше величество, – герцог вошел в кабинет, и, едва дверь захлопнулась за его спиной, опустился на колени. – Прошу вашей справедливости, ваше величество.

– Встаньте, герцог, – неприятно было смотреть на сильного мужчину, стоящего перед ней на коленях и вымаливающего прощение за то, к чему не был причастен. Явно не он научил жену таким словам. Да даже если он и был сторонником ее кузена, открыто не восставал против королевы. Анна-Виктория встала и подошла к мужчине. – Встаньте, прошу вас.

Мужчина поднялся, все еще не смея поднять голову. Еще недавно он думал оказать поддержку графу Эстеритен, теперь же об этом не стоило и мечтать. Одна фраза жены поставила под угрозу не только их жизнь, но и будущее их детей. То, что ее еще не казнили, не значило, будто все забудется, и герцогиню по прошествии времени отпустят. Но, даже если королева и окажет такую милость, Самуэль больше не собирался терпеть ее рядом с собой. Собственно, это он и собирался сказать королеве, и принести клятву, что ни он, ни его дети не будут умышлять на правительницу и делом ни словом.

– Я догадываюсь, зачем вы пришли ко мне, – начала девушка, когда они с посетителем сели в кресла. – Как вы понимаете, я не могу простить вашу жену. То, что она произнесла, сродни восстанию. Будь формулировки иными, не столь однозначными, ее еще можно было бы сослать в поместье. Но тут я бессильна что-либо сделать. Я не собираюсь ее казнить, но и ссылки в поместье будет недостаточно.

– Я не прошу освободить ее, ваше величество, – герцог позволил себе поднять голову и посмотреть на королеву. – Я лишь хочу развестись с ней. В свое время я женился на молодой красивой глупышке, в надежде, что со временем она поумнеет. Но время шло, а ума у нее не прибавилось. Для меня еще не поздно жениться второй раз. Потому какое бы вы не приняли решение, ваше величество, я пришел сообщить, что не хочу иметь с этой жениной

более ничего общего. Ее нога никогда более не переступит порог моего дома. Соответствующее распоряжение уже отдано слугам.

– Даже так? – Анна-Виктория вглядывалась в лицо мужчины. – А как же ваши дети? Ведь у вас, если я не ошибаюсь, две девочки.

– Они видят мать не более двух раз в неделю и куда больше любят свою няньку, чем ее. Не думаю, что для них будет большой трагедией, если она никогда не вернется.

– То есть, вас больше не волнует, что будет с вашей женой?

– Да, ваше величество, – герцог склонил голову. – Меня куда больше волнует судьба девочек. Мне бы не хотелось, чтобы они потом отвечали за проступки матери.

– Хорошо, – улыбнулась девушка. – Думаю, вы понимаете, я не отдам приказ о казни. Не хочу начинать правление с крови. Но и отпустить пока еще герцогиню я не могу. Думаю, и меня, и вас устроит, если она отправится в монастырь, скажем в Руиссе. Это автоматически будет означать ваш развод, поскольку устав этого монастыря предписывает пришедшему туда оставить все мирские проблемы за его стенами. Я напишу верховному жрецу, – Анна-Виктория сделала пометку на бумаге, лежащей на столике рядом, – через год вы сможете вновь сочетаться браком. Надеюсь, в этот раз вы подойдете к выбору супруги разумнее.

– Можете не сомневаться, ваше величество. Благодарю вас.

– Если у вас все, можете идти, – правильно поняла взгляд мужчины на дверь королева.

Герцог поднялся, сделал несколько шагов в сторону выхода, потом остановился.

– Ваше величество, надеюсь, вы с пониманием отнесетесь к тому, что меня и девочек не будет на вашей коронации, – произнес он. – После того, что устроила моя пока еще жена, я не считаю для себя возможным появляться в обществе. Более того, я готов понести любое наказание, чтобы доказать свою лояльность, принесли любые клятвы, какие только прикажете.

– Я понимаю вас, герцог, – Анна-Виктория поднялась и прошла к своему месту за рабочим столом. – Наказывать я вас не буду. Клятвы мне тоже ни к чему, пользы от них не так много, как принято считать. Если вы хотите доказать лояльность двору, займитесь усовершенствованиями на ваших землях, как этим занимается виконт Остенферд. Это пойдет на пользу не только вашим крестьянам, но и вашему состоянию. Отремонтируйте дороги, облегчите жизнь людям. Думаю, виконт не откажет вам в консультации.

– Да, ваше величество, непременно. Благодарю вас, ваше величество, – мужчина низко поклонился, и покинул кабинет. Ему с трудом верилось, что все прошло так легко и просто. И, наверное, надо пообщаться с Остенфердом, раз королева заговорила об этом. Возможно, что-то стоит перенять. И, действительно, давно пора заняться дорогами.

Юная королева быстро написала несколько строк указа. Завтра его передадут страже, которая приступит к исполнению приговора. Как повелось вот уже несколько столетий, приговоры о государственной измене, бунте и восстаниях выносил король. Или, в данном случае, королева. Это дело было простым. Речи Сильен слышали все, не только Камилла, но и другие фрейлины, в том числе те, семьи которых с теплом относятся к королеве, а сами девушки не успели побывать в постели ее отца. Слышала и стража. Публичное разбирательство было ни к чему. Все ждали одного – какой приговор вынесет правительница. Девушке удалось найти тот компромисс, который устроит все стороны. Герцог освободился от опостылевшей супруги, женщина понесет свое наказание, Анна-Виктория не начнет свое правление с казней.

Придвинув второй лист бумаги, девушка обратилась к верховному жрецу с просьбой признать брак герцога Самуеля фог Дешински недействительным, поскольку его жена отправляется в Руисский монастырь. Кратко изложив причину ссылки, королева просила позволения герцогу вторично жениться, чтобы род его не прервался, ведь сейчас у него не было наследника. Изложив причины ссылки жены, девушка дождалась, пока чернила высохнут, после чего сложила послание в конверт и запечатала личной печатью. Колокольчиком вызвав стража, она

передала ему послание с требованием немедленно отправить человека в храм к верховному жрецу, после чего вернулась к донесениям министров.

Две фигуры, закутанные в простые темные плащи, быстро шли по улице. Остановившись у одного из домов, один тихо постучал в ворота, пауза, снова стук, еще пауза, и несколько быстрых ударов. Ворота приоткрылись, пропуская их внутрь.

Один так и остался за воротами в ожидании, а второй последовал за слугой в дом.

– Вы как всегда пунктуальны, – приветствовал его мужчина, ожидавший в небольшой гостиной. – Чай, кофе, коньяк?

– Благодарю, но нет, – пришедший сбросил плащ на руки слуги.

– Что ж, господин маркиз, рад, что вы приняли наше предложение.

– Предложение? – удивился названный маркизом. – Боюсь, это не столько предложение, сколько угроза.

– Какая разница, – отмахнулся хозяин дома. – Вот вексель на сумму вашего долга. Можете убедиться, что все верно, – он протянул бумагу посетителю. Тот тщательно проверил текст, посмотрел бумагу на свет, после чего вернул обратно. – Том, отнесите эту бумагу мадам Жюстен.

Слуга с поклоном принял вексель и покинул комнату.

– Вы же понимаете, что я уже завтра могу зайти и поинтересоваться, поступила ли оплата, – прищурил глаза посетитель.

– Разумеется, и вы услышите, что оплата осуществлена полностью, на всю указанную сумму.

– Хорошо, тогда к делу. Вы понимаете, что у меня будут расходы, – прищурился маркиз.

– Разумеется, мой дорогой, разумеется. Здесь две сотни золотом. Думаю, этого будет достаточно. В любом случае все расходы сверху вы сможете покрыть из того пожалования, что вас ожидает по завершении нашего дельца – мужчина несколько раз хихикнул. – Надеюсь, вы справитесь с тем, что мы вам поручаем?

– Можете не беспокоиться, – высокомерно заявил посетитель, убирая мешочек с деньгами. – Я свою часть работы выполню.

Хозяин дома только высокомерно кивнул. В любом случае его в столице Дельменгорста уже не будет. Верные ему люди проследят за выполнением дела, и, если что-то пойдет не так, тоже покинут страну. А что станет с исполнителем – так ли это важно. Его хозяева и покровители разработали несколько планов. Если сорвется один, всегда можно будет воспользоваться другим. Так или иначе, они добьются поставленной цели. Остальное не имеет значения.

Посетитель поднялся и, не прощаясь, пошел к двери. Слуга подал его плащ, и мужчина завернулся в него, глубоко надвинул капюшон, что бы невозможно было опознать позднего визитера. После чего покинул дом. Калитка черного хода приоткрылась и два мужчины вышли на улицу. Быстрым шагом они дошли до трактира и, так же через черный ход, вошли внутрь. Через несколько минут от здания отъехала простая коляска, без каких-либо опознавательных знаков. Немного поколесив по городу, она остановилась около небольшой гостиницы. Пассажиры вышли и быстро скрылись в здании. А через час, когда к дому была подана карета, оттуда вышли прилично одетые горожанин и его слуга. Сев в карету, они снова какое-то время катались по столице, после чего остановились у приличной гостиницы. Отпустив коня и сопровождающего, мужчина медленно двинулся по улице в сторону заведения мадам Жюстен.

Неделя после похорон промчалась в привычной деловой круговерти. Анна-Виктория поймала себя на том, что у нее начал складываться привычный распорядок дня. С утра – завтрак в кабинете, просмотр срочных отчетов и депеш, если таковые имелись. Впрочем, в последнее время все было срочным. Потом – присутствие на заседании кабинета министров. Надо

было отдать должное новым людям, в делах они разбирались. Впрочем, именно они и занимались всей министерской работой, а прежние их начальники только ставили подписи на бумагах. После заседания, которое длилось час-два, работа в своем кабинете в министерстве. Там к ней присоединился Андреас, и они вдвоем, с помощью тех или иных министров, разбирались с ситуацией в стране.

Как ни странно, лучше всего дела обстояли в военном ведомстве. Впрочем, новый министр, отвечавший за армию, ее снабжение и строительство укреплений сообщил, что все так хорошо по одной простой причине – граф Эстеритен со своими офицерами частично сами покрывали расходы на армию за счет доходов от поместий и жалованья. В противном случае даже имевшихся сейчас укреплений не было бы уже давно.

Не было больших проблем и с народным образованием. Корпуса для сыновей дворян, купеческих детей, пансионы для девочек были платными. Часть доходов они отчисляли на финансирование государственных школ. Хотя, последних было не много. Крестьяне редко отдавали своих детей учиться, объясняя это тем, что и сами научат читать, считать и поставить подпись, а большей грамоты не надо. А если и были желающие – при монастырях обучали бесплатно. Так что оплачивать труд учителей в двух школах столицы и десятка в других городах и финансировать прочие расходы, труда не составляло.

А вот все остальное было не просто запущено. Такое ощущение, что остальными делами никто не интересовался. Медицина существовала практически в зачаточном состоянии. Были врачи в городах. Они брали себе учеников из тех, кто был готов платить за науку. Разумеется, потом выявлялись талантливые помощники, но и остальные чему-то да научались. К первым переходило дело, если у врача не было детей, или, если они не собирались наследовать отцу. Вторые становились аптекарями или странствующими лекарями. В сельской местности люди все больше доверяли травникам и знахаркам, от которых было больше толку, чем от таких вот недоучек из города.

Торговля существовала только потому, что министры не лезли в это дело, довольствуясь сбором пошлин и налогов с купцов. Министр финансов ограничил свою деятельность лишь тем, что собирал ежегодно положенную сумму откупов и передавал ее казначею. Дальнейшее его словно и не касалось. Ремесленники и крестьяне существовали сами по себе. Их задачей было лишь выплачивать положенные суммы, а где они их найдут, никого не волновало. Разумеется, драли с них откупщики налоговых сборов в разы больше, чем передавалось в казну.

Про отношения с другими державами можно было сказать одно: они когда-то были. Сейчас же все вопросы были переданы армии. Собственно, и отношения эти сводились к тому, чтобы силой отстоять свои законные земли. Изредка отправлялись торжественные послания и подарки «к дате»: на юбилеи правителей соседних держав, их жен, детей, восшествия на престол и свадьбы, да соболезнования в случае кончины или крупных бедствий.

Королева и новые министры понимали, что все это надо менять и чем скорее, тем лучше. Но для этого нужны были деньги, которых в казне не было. И Анна-Виктория каждый вечер сидела над бумагами, отражавшими поступления финансов. Получалось, что следующие сборы будут только через четыре месяца, а до этого королеве и ее министрам предстояло крутиться, как только возможно с тем, что у них есть. То есть ни с чем. И кредиты у ростовщиков уже не были выходом из создавшегося положения.

Девушка находила все новые и новые варианты заработков, вот только результат они приносили не сразу, а спустя время. А времени у Анны-Виктории не было. Пусть фрейлины каждое утро исправно отсчитывали по пять золотых монет Камилле и щеголяли друг перед другом в нарядах от известных портних, этих средств все равно не достало бы для оплаты многочисленных долгов отца. Впрочем, королева и не думала тратить их на это. Все до последней медной марки шло на ремонт дороги от столицы до форта на границе с Вастилианой. Первая

сотня золотых была потрачена на закупку необходимых материалов, и работы начались, едва они поступили на стройку.

Желающих наняться на эти работы оказалось куда больше, чем прогнозировали министерские служащие. Сильные мужчины, отчаявшиеся найти место, готовы были работать даже за одну марку в день. На карте уже были отмечены дороги, которые планировалось ремонтировать после, дело было за малым – найти финансирование.

Виконт фон Остенферд выразил желание спонсировать работы на сумму в двести золотых монет ежеквартально, и, помимо того поставлять ежемесячно до сотни мешков песка и подводу камня. Конечно, в сложившихся обстоятельствах, такая помощь была не лишней, но все равно этого было мало. По самым скромным подсчетам на ремонт только этой дороги требовалось около пяти тысяч золотых, не считая зарплаты рабочим.

– Эми, – раздался голос первой фрейлины, а через пару секунд и сама она возникла перед своей королевой. – Нет, вы только посмотрите на нее. Ей одеваться пора, а она все со своими бумагами расстаться не может.

Камилла решительно отняла документы и передала вошедшему за ней Андреасу. Тот сложил все бумаги в свою папку, поклонился неизвестно откуда возникшей Росите, и, посчитав на сем свою миссию законченной, быстро покинул монаршую спальню.

– Пора? – рассеянно посмотрела на них девушка.

– Разумеется, – усмехнулась подруга. – Дай тебе волю, ты и во время коронации с бумагами бы не расставалась. Но на сегодня с делами покончено.

– А завтра мы переезжаем, – простонала юная королева, – значит опять не до работы.

– Я уже все собрала, – успокоила свою подопечную нянька. – Можешь не беспокоиться, милая. Пока будешь со своими министрами совещаться, все уже в малом дворце будет. Девушки, – позвала она служанок, – хватит под дверями толпиться. Быстро вошли и занялись ее величеством.

Анна-Виктория вздохнула, но спорить было бесполезно. Посему она отдалась на милость своей первой фрейлины, няньки и пары служанок, которые должны были подготовить ее к коронационным мероприятиям.

Граф Эстеритен бросил скептический взгляд в зеркало. Оттуда на него ехидно прищурившись смотрел бравый военный. Выправка, форма, даже немного надменный вид полностью соответствовали тому, что ожидали увидеть люди. Филипп фыркнул. С большой радостью он бы плюнул на эти мероприятия и остался дома. В первую очередь для того, чтобы не породить новой волны слухов. А с еще большей радостью он бы вернулся на границу. Чтобы окончательно эти слухи задавить. Но нельзя.

Когда на следующий день после королевский похорон Пьетро рассказал графу о реакции многих горожан на них с королевой, мужчина не знал, смеяться ему или ругаться. Это же надо было придумать, поженить его с королевой. Да он скорее откажется от своих претензий на трон, чем пойдет на такой шаг.

Граф передернул плечами. В последние дни он слишком расслабился. Пора переходить к действиям. Разумеется, слухи о том, что эта девчонка решила перебраться в летнюю резиденцию, стоит проверить. Слишком все не точно. Но, если это так, шансы на успех возрастут как никогда. Вряд ли она изменит свой режим, и будет собирать министров в малом дворце. Собственно, он не рассчитан на такие собрания. Разве что на небольшие встречи. А для длительной работы все равно придется ездить в министерство. Не обсуждать же серьезные вопросы в саду, а больше там расположится такому количеству людей негде. Даже если с каждым министром будет всего по одному секретарю. Заодно надо будет не забыть выяснить, что подвигло девушку на переезд из удобного для жизни и работы здания. Ведь из дворца много проще сле-

дить за событиями. К тому же начаты масштабные работы по обновлению дороги до границы, и королева планировала лично контролировать их, пока это возможно.

Филипп хищно улыбнулся. Это даже лучше, чем покушение в городе. Мало ли какой недовольный решит подкараулить карету за городскими стенами. Главное, не торопиться, а все тщательно изучить. Желающих снабжать заинтересованных людей полезной информацией за соответствующее вознаграждение найти куда проще, чем кажется. Собственно, самому графу даже не придется самому ничего делать, разве что передать деньги доверенному лицу.

При воспоминании о той, кто взяла на себя эту роль, мужчина улыбнулся. Иветт Хасин оказалась интересной женщиной. Миленькая блондинка с большими голубыми глазами, пухленькими алыми губками, порочной улыбкой, телом богини и изворотливым умом, который она талантливо скрывала. После смерти короля ее муж потерял свой пост министра торговли, а саму женщину ждало отлучение от двора, поскольку она не попала в список из того пятка фрейлин, коему дозволено будет появляться в малом дворце. Собственно, одна из служанок готова была передавать информацию за весьма скромное по меркам Филиппа вознаграждение. Сначала мужчина удивился такому рвению, но все быстро прояснилось, когда он узнал, что двое братьев девушки служили на границе под его командованием. А еще граф смог оценить, что же так нравилось в ней королю. Оценивал он всю ночь, при этом успев получить исчерпывающую информацию как о распорядке дня королевы, так и о тех слугах, которые отправятся вместе с ней.

Филипп улыбнулся от воспоминаний, как эта женщина умеет вести переговоры. Сначала они осторожно пробовали почву, при этом Иветт то и дело бросала на мужчину призывные взгляды. После того, как стало понятно, что одна сторона готова предложить помощь, разумеется, при разумной компенсации в будущем, а другая не откажется ее принять, они смогли поладить. Граф намекнул, что восстановление ее супруга в прежней должности ожидать не имеет смысла, другое дело, что они могут получить компенсацию в виде земель, а блондинке всегда найдется место при дворе.

После того, как были обговорены общие черты сотрудничества, разговор переместился в личную гостиную женщины. Там они отметили достижение взаимопонимание, выпив немного коньяка. Там разговор пошел уже о том, что происходило в королевстве, пока граф был на границе. Выпили еще. Мужчина сделал несколько комплиментов, потом осторожно поцеловал. Иветт не сопротивлялась, напротив, активно ответила на поцелуй, словно разрешая и все остальное. Филипп не стал отказывать ни себе, ни женщине в возможности хорошо провести время. Выяснилось, что под платьем у нее больше ничего нет, а стены спальни украшены гобеленами, под которыми, согласно приказам хозяйки, поместили несколько слоев ткани, от чего снаружи не слышно никаких звуков. Впрочем, к тому времени графу было уже все равно. Единственное, что его волновало – сможет ли он доставить удовольствие этой женщине.

Теперь, собираясь на коронационные мероприятия, Филипп довольно улыбался. Он получил не только союзницу, но и искушенную любовницу, проводить время с которой можно очень и очень разнообразно. Кроме того, она не будет досаждать ему в своем желании стать женой, поскольку понимает как невозможность подобного брака, так и видит выгоду, которую можно извлечь из нынешнего положения.

Довольно потирая руки, мужчина покинул свои комнаты. Осталось немного подождать. Он даже даст этой девочке немного времени, чтобы немного привести в порядок дела королевства. Пусть наслаждается властью, потому что долго это не продлится. Он даже не будет лишать титула этого ее секретаря. Просто отправит в его земли. Хищная улыбка не покидала лица Филиппа, пока он спускался по лестнице. Он подождет до осени. А потом нанесет удар. Три месяца – достаточный срок, чтобы усыпить бдительность и королевы с ее окружением, и народа.

Процессия вновь следовала по улицам города, заполненным народом. Только на этот раз количество участников изменилось. Аристократия, иностранные послы, чиновники и получившие приглашения горожане уже собрались в храме. Те, кому не повезло попасть внутрь, успели занять наиболее удобные места на паперти. Остальные же просто приветствовали свою королеву, на голову которой сегодня жрец возложит корону ее предков.

Разумеется, это было формальностью. В Дельменгорсте с давних времен шел обычай, что наследник становился правителем в миг смерти предыдущего монарха. Но некоторые страны отказывались признавать правителя, который сам надел на себя корону. Вот и приходилось Анне-Виктории вновь представлять перед своим народом, тратя время на пустые формальности.

В этот раз она следовала в открытой коляске, облаченная в простое белое платье, длинные перчатки, на голове был венок из белых цветов. словно невеста, собирающаяся сочетаться узами брака с возлюбленным, юная королева следовала на обряд, который соединит ее нерушимыми узами с тем, что превыше любого человека – со страной, за благополучие которой она будет в ответе до самой своей смерти. Или до того дня, когда поймет, что больше не в силах нести такую ответственность. Разумеется, если ей позволят дожить до такого возраста.

Рядом, словно подружка невесты, сидела первая фрейлина, в простом бежевом платье, и такого же тона шляпке. В день коронации положения о трауре приостанавливали свое действие, как решили в свое время жрицы созидательницы. Возле коляски на сером жеребце сидел королевский секретарь. Толпа с восхищением следила за молодым горбуном, умело управлявшимся не только с пером, но и с поводьями. А спроси кто Гильермо, тот бы уверенно заявил, что и шпагой юноша владеет почти так же хорошо, как и остальные стражники. Так что клинок у пояса был не просто игрушкой молодого аристократа, только получившего титул, а смертоносное оружие.

По другую сторону коляски вышагивал конь самого главы королевских стражников, обеспечивая охрану королевы там, куда мог не поспеть барона Мичелли. Позади маршировали королевские стражники, с мечами у пояса и заряженными арбалетами на плечах.

Едва Анна-Виктория ступила на дорожку, ведущую ко входу в храм, зазвонили колокола. Девушка медленно пошла к распахнутым дверям. Первая фрейлина и секретарь держались в пяти шагах позади. Гильермо проследовал только до входа, чтобы, в случае необходимости, можно было контролировать как внутреннее помещение, так и пространство перед храмом. Надо ли говорить, что внутри храма им заранее были расставлены люди, в чью обязанность входило только одно – уберечь их королеву от любой напасти.

Девушка медленно прошла по ковровой дорожке до небольшого кресла посреди зала. Еще неделю назад там стояло возвышение с гробом покойного короля. Сейчас же был вынесен старинный трон, на котором восседало множество королей, пока прапрадед почившего монарха не приказал передать его жрецам, а во дворце не установил нынешний монументальный трон, подчеркивавший мощь правителя и страны под его рукой. Девушка усмехнулась. Как давно это было. Сейчас впору вместо трона ставить лавку с кухни, для достоверного отражения истинного положения дел.

А в следующую минуту ей стало не до размышлений. Жрец приветствовал ее на древнем языке, использовавшемся несколько веков назад. Юная королева ответила заученной фразой и преклонила колени перед троном. Началась служба. Анна-Виктория повторяла слова молитв, стараясь не думать, сколько еще ей предстоит простоять так на жестком полу. Оставалось только радоваться, что церемония проходит в начале лета, а не зимой, когда по храму гуляют сквозняки, а от холода пола не спасает даже мех, подстеленный жрецами под ковер. Ни о каких подушечках для удобства и речи идти не могло. Властитель должен понять, что управление страной – не развлечение, а череда обязанностей, сложных, неприятных, но уклониться от которых невозможно. Увы, многие быстро об этом забывали.

Но вот отзвучали положенные молитвы, и верховный жрец остановился перед девушкой. Анна-Виктория могла видеть лишь изумрудное одеяние и ноги в черных сапогах. Жрец заговорил на древнем языке, призывая Созидательницу благословить новую правительницу, ниспослать ей мудрость, терпение и милосердие, оградить от болезни, яда, стрелы и кинжала, помочь твердой рукой привести страну к процветанию, а жителей к миру.

После этого заговорила девушка. На том же древнем наречии она клялась править мудро и справедливо, заботиться о благе подданных как о своем собственном, относиться к народу, как к собственным детям, печься об их достатке и процветании, ставить их проблемы и интересы прежде своих.

Едва отзвучал последние слова клятвы, верховный жрец снял с головы девушки венок, положив его на возвышение перед алтарем, после чего взял у подручных корону, высоко поднял ее над головой, демонстрируя всем собравшимся, после чего со словами благословения возложил на голову Анны-Виктории. Вслед за этим настала очередь жриц. Две женщины преклонного возраста приблизились к девушке и набросили на ее плечи алую мантию, отороченную белоснежным мехом. Они же подхватили ее под руки, помогая подняться, и подвели к трону, на который королева величественно опустилась.

Хор запел один из гимнов, вновь зазвонили колокола, а заранее расставленные пушки залпом оповестили весь мир, что новый правитель взошел на престол Дельменгорста.

Анна-Виктория обвела взглядом ряды присутствующих. В основном люди нацепили на лица вежливо-почтительное выражение. Лишь семейство Остенфердов искренне радовалось за новую правительницу. Камилла и Андреас улыбались так, словно были не на коронации, а на собственной свадьбе, и девушка не могла не улыбнуться в ответ. Лишь один взгляд заставил ее внутренне содрогнуться от того, сколько в нем было ненависти – взгляд графа Эстеритен. И юная королева поняла, что спокойные дни заканчиваются.

Глава 5

Анна-Виктория вошла в кабинет и с громким стуком уронила папку на стол.

– Полегчало? – иронично осведомился Андреас, – заходя следом и закрывая дверь. – Или дать что-нибудь не очень ценное разбить?

– Не надо, – девушка выдохнула и упала в кресло. – И как мой дед умудрялся еще что-то делать, когда вокруг такие твердолобы.

– Сомневаюсь, что он пытался проводить столь существенные реформы, – пожал плечами секретарь. – Точнее, я вообще сомневаюсь, что все, именуемое в наших учебниках реформами, проводилось по желанию правителя. Уж больно во благо нашей аристократии оно шло. Скорее уж, принимались те законы, которые улучшали положение его сторонников, дабы они не посадили на престол кого-то другого.

– И ты туда же, – печально посмотрела на друга королева. – Андреас, мне только твоих лекций не хватало. Меня и так няня учит, Гильермо учит, министры учат. Словно я несмышленный ребенок, а не правительница.

– А что делать, – усмехнулся юноша, – я иначе не могу. Ты же меня для того брала, чтобы я учил и помогал советами.

– Отправлю в поместье, – пригрозила девушка.

– В какое? – с улыбкой уточнил «учитель».

– В то, которое пожаловала тебе, заниматься хозяйством. И не забуду проверить, что ты уехал именно туда.

Андреас задумался.

– Нет, – через какое-то время произнес он, – шалаш – это хорошо, но на одних ягодах я долго не протяну. А до грибов и орехов еще далеко.

– Обратишься к Гильермо, он тебе арбалет подарит с запасом стрел, будешь охотой жить, – посоветовала королева. – А на рынке лопату купишь – к зиме выроешь себе землянку с кухней, спальней и гостиной.

– Охотой, – Андреас прикрыл глаза, вспоминая, что он читал о тех землях. – А может и получится. Думаю, там еще зверье водится. Мясо засолить можно, а шкурки продать. Глядишь, на мехах заработаю, чтобы домик построить. А там, глядишь, пойдет промысел, разбогатею за пару зим, женюсь на Камилле, детишек заведем. Буду лес вашему величеству поставлять, поля возделывать. Мельницу поставлю, кузню, чтоб в город людям не ездить...

– А секретарем у меня кто будет? – оборвала его мечтания королева.

– Вот как всегда, – рассмеялся горбун. – То сошлю, то работать.

– Делать мне нечего, ценные кадры в глушь отправлять, – улыбнулась Анна-Виктория. – Ладно, давай посмотрим, что там от мастера Шамиля.

Андреас положил на стол перед девушкой подробный отчет о деятельности первого в стране музея.

Несмотря на то, что королева покинула большой дворец, жизнь там и не думала затихать. Только в некогда личных жилых помещениях была тишина, мебель затаили чехлами, двери комнат плотно прикрыли, и только изредка служанки заходили убрать пыль и смахнуть паутину. В остальном же там было более шумно, чем в прежние времена, исключая балы.

Перед воротами появилась небольшая будочка, где Агнешка Искренова, жена мастера Шамиля, едва успевала принимать деньги и выдавать цветные бумажки. Зелененькая – прогулка по саду, красненькая разрешала заходить во дворец, а те, кто приобретал синюю, могли рассчитывать на небольшую экскурсию, вел которую один из бывших лакеев. И самый дорогой билет – желтый, открывал доступ с небольшой группой в святая-святых, золотую камеру. Про-

ходили туда небольшими группами, предварительно оставив все сумочки, пакетики, кулечки горничной в обмен на маленький талончик с номером ячейки, куда все вещи складывались. Внутри было много стражи, а водил людей сам мастер Шамиль, знавший историю каждого выставленного под стеклянным куполом предмета.

Неподалеку от конюшни детвору и девушек за символическую плату катали на пони и смирных лошадаках. За столь же небольшую плату можно было попробовать сладости от дворцовых кондитеров. Бывшие лакеи под руководством антиквара в короткий срок переквалифицировались в информаторов, готовых поведать историю дворца, королевской династии, рассказать о той или иной статуе, беседке или просто о парке. Более детальную информацию по цветам и деревьям давали садовник и его помощники. Они же консультировали, как придавать форму кустам, делились тонкостями ухода за цветами и методами борьбы с вредителями.

С одной стороны могло показаться, что работы у этих людей прибавилось, но они были довольны. Одно дело – с безразличным выражением лица прислуживать тем, кто относился к ним как к предмету обстановки. Совсем другое – видеть заинтересованность на лицах людей.

Не меньшей популярностью пользовалась и небольшая лавочка, пристроившаяся у главного входа во дворец. Там любой желающий мог купить небольшой буклет про историю дворца, династию Косталина, сборники анекдотов про обитателей дворца, рецепты от королевских поваров и много чего еще. Разумеется, рецепты и анекдоты, на распространении которых, как ни странно, настояла сама королева, пользовались наибольшей популярностью.

Сад оккупировали начинающие художники, спешившие запечатлеть цветники, статуи, беседки, фонтаны в летнее время. Одни предчувствовали спрос на эти полотна, другие просто не хотели упустить такую возможность. В залах дворца были подготовлены отдельные участки, застеленные толстыми коврами, чтобы уберечь пол от красок, растворителей и прочих используемых художниками веществ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.